

Максим Гаусс

БРАКОНЬЕР

Назад в СССР

Путь одиночки

Максим Гаусс

Браконьер. Назад в СССР. Книга 1

«Автор»

2023

Гаусс М.

Браконьер. Назад в СССР. Книга 1 / М. Гаусс — «Автор»,
2023 — (Путь одиночки)

Евгений Громов ценой своей жизни спасает из-под руин здания маленькую девочку. По воле судьбы сознание героя переносится в 1956 год, в тело браконьера. Сложно говорить о везении - вокруг тайга, рядом валяется истерзанный труп, а где-то неподалеку бродит голодный медведь. Постепенно, Евгений понимает, что реципиент, в тело которого он попал, перед смертью успел наломать дров...

© Гаусс М., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	36
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Максим Гаусс

Браконьер. Назад в СССР

Книга 1

Глава 1

Судьба спасателя

Эта неожиданная командировка совсем выбила меня из колеи.

Мало того, что слегка подвыпившего меня выдернули со дня рождения близкого друга, так еще и собраться толком не дали. Спасательную группу собирали впопыхах, из тех, кто соответствовал требованиям. Организация хромала, все происходило бегом-бегом. Впрочем, как всегда.

Я Евгений Громов, командир второго спасательного отряда федерального назначения, находящегося в ведомстве Министерства Чрезвычайных Ситуаций. На пассажирском АН-74 нас было двенадцать человек, и в данный момент наш самолет подлетал к юго-востоку Турции. Пятнадцать часов назад там произошло крупнейшее за несколько сотен лет землетрясение. Президент публично попросил о помощи соседние страны.

По стечению обстоятельств, международная группа, начальником которой меня назначили прямо перед вылетом, была одной из немногих, кого руководство направило в зону бедствия. Двумя часами ранее с военного аэродрома в Крымске вылетел грузовой ИЛ-76, со специальной техникой, инструментом и большим грузом гуманитарной помощи на борту.

Задача нам предстояла сложная, напряженная и очень ответственная – в кратчайшие сроки оперативно оказать содействие турецким спасателям, которые были рады любой сторонней помощи.

Без лишней скромности скажу, что я опытный спасатель – за плечами пятнадцать лет стажа, участие в сотнях операций самого разного характера. До службы в МЧС я был боевым офицером, однако из-за серьезного ранения в спину меня списали в запас. Затем два года я проработал инструктором по выживанию в центре специального назначения Федеральной Службы Безопасности, но там у меня не сложилось.

Сложно сказать, как меня занесло в спасатели. Однако не могу не признать – жизнь меня серьезно потаскала. Семьи не было, детей тоже. Но, несмотря на это, я был убежден во мнении – все, что ни делается, все к лучшему. Однако возраст уже давал о себе знать – сорок девять, еще немного и здравствуй пенсия.

Вскоре экипаж самолета начал готовиться к посадке.

Группа зашевелилась, начала одеваться в теплую спецодежду. На календаре февраль, за бортом холодно. Работать предстоит в жестких условиях – скорее всего, обогреваться будет нелегко.

Окинул взглядом свою группу – все держатся на энтузиазме, хотя прекрасно понимают, что следующие несколько суток пройдут в нон-стоп режиме, почти без сна и отдыха. Приемы пищи будут буквально с колен, в пыли и грязи, в то время как рядом будут доставать раненых. И чего уж греха таить, мертвые там тоже будут. Без жертв никак, как бы спасатели ни старались. Со статистикой ничего не поделать.

Едва я вышел из самолета, как в лицо дохнуло пылью и перегретым машинным маслом. Сильный порыв холодного ветра едва не сбил меня с ног, отчего я зажмурился и натянул на голову шапку. Если верить показаниям термометра, то сейчас плюс пять градусов по Цельсию.

В прямой видимости уже стоял наш передвижной техцентр, а еще дальше торчал нос штабной «Газели», предназначенной для проведения совещаний.

Был еще один момент, который оказывал немаловажное значение – на задание я летел не со своей группой. Так уж вышло, что мои парни в это время находились на другой спасательной операции. По стечению обстоятельств, в город-курорт Сочи за несколько суток прибыла подготовленная группа, у которой командир неделей ранее убыл на курсы повышения квалификации. Мне предстояло возглавить группу и руководить спасательной операцией. Я подоспел в аэропорт самый последний момент и проконтролировать загрузку оборудования не успел.

Конечно, будь моя воля, я бы отказался и подождал бы, пока соберутся мои ребята – толковые и опытные специалисты, где я за каждого мог поручиться лично. В спасательных операциях крайне важным фактором считается не только слаженность группы, но и согласованность действий каждого спасателя. Опыт командира. Где один, там и все. Один делает, другой помогает. Однако мое начальство решало вопросы, опираясь лишь на свое собственное видение ситуации. Пришлось принимать командование.

Вверенная мне группа считалась международной, то есть в ней каждый человек был специалистом на все руки, способным подменить товарища в любой ситуации, с любым инструментом. Само собой, все были обязаны владеть иностранными языками, как минимум английским.

Своих кинологов у нас не было, поэтому пришлось начинать с акустического комплекса.

– Жень, есть контакт! – буквально через несколько минут крикнул оператор, сорвав с головы наушники. В объявленную минуту «тишины» Алексей Иванов запустил «Пеленг». Всего у нас их было два – первый уже развернули, второй капризничал. По мере развертывания выяснилось, что комплект аварийно-спасательного инструмента и акустического оборудования был неполным. Что-то по халатности забыли, что-то недоглядели.

– Что там, Леха?

– Внизу кто-то есть, – продолжая слушать, ответил тот. – Кажется, живой. Точно сказать не могу. Нужно убедиться.

– Так! Нужна собака! – распорядился я, оглядываясь по сторонам. Но в прямой видимости таковой не оказалось. На рабочей площадке царила суматоха, говорить о слаженности было не к месту. Турки как раз откопали сразу четверых пострадавших, поэтому у соседнего дома было полно шума.

– Где ж ее взять? Я по-турецки ни хрена не понимаю! – возразил Андрей, считавшийся моим заместителем. – Только по-английски.

Вообще, рядом с нами должен был находиться переводчик и представитель от турецких властей, чтобы оперативно, прямо на месте решать организационные моменты. Я поискал глазами переводчика, но не нашел.

– Садык! Садык! Нид хелп! – крикнул я, привлекая внимание турка напрямую, при этом мешая английские и арабские слова. – Дог! Дог!

Активно жестикулируя, я максимально выразительно показал, что нам срочно нужна поисковая собака. Не хотелось зря тратить время и копать в развалинах, чтобы по итогу найти какого-нибудь придавленного кота. Такое нужно проверять и исключать сразу. Каждая минута стоит чьей-то жизни. И разумеется, человеческая жизнь в приоритете.

Вообще, негласно считается, что турки не арабы. Хотя для меня разницы практически нет. Садык, по-сирийски, означает друг. Это обобщенное обращение для всех, особенно полезное, когда не знаешь имени того, к кому обращаешься. Про это я слышал от знакомого кондуктора, недавно вернувшегося из соседней с Турцией Сирийско-Арабской Республики.

На удивление тот меня прекрасно понял, так как закивал головой и тут же схватился за рацию, висевшую на ярко-оранжевом жилете.

Собаку доставили за считанные минуты.

Спокойный и хорошо обученный лабрадор среагировал правильно. Уже через несколько минут своим беспокойным поведением, тьяканьем и лаем собака отчетливо показывала, что под завалами точно есть живой человек.

– Есть подтверждение! – громко крикнул я, наблюдая, как пес пытается рыть передними лапами бетонную крошку.

Дальше начался напряженный и волнительный процесс. Сначала мы оценили общее состояние завалов и уцелевшей части конструкции. При землетрясении этот дом сложился как гармошка, а второй и третий этажи немного съехали в сторону. По имеющимся данным, полученным от турецких спасателей, здесь проживало девять семей. Так как землетрясение произошло утром, перед рассветом, то все жители мирно спали в своих кроватях и совершенно не подозревали, что их ждет.

В семьях имелись дети, от восьми до шестнадцати лет. К счастью, грудных детей тут не было. Нет ничего хуже, чем доставать из-под завалов погибших малышей. Однажды я уже сталкивался с такими страшными вещами – потом несколько дней ни с кем не разговаривал.

Работать при низкой температуре было тяжело, но еще хуже приходилось тем, кто сейчас израненным лежал между кусками холодного бетона и дышал пылью, не имея возможности пошевелиться и позвать на помощь...

Мы провели анализ рисков, определили слабые точки. Кое-как приподняли верхнюю плиту, зафиксировали ее гидравлическими распорками, запустили внутрь зонд с камерой, чтобы проверить все полости, в которых могли находиться уцелевшие жители и пути подхода к ним.

Снова за работу принялись операторы «Пеленга» и «Системы». В руинах, вперемежку с домашним скarbом, обломками мебели и мусора, попадались тела погибших.

Несколько минут и над площадкой раздался радостный крик:

– Нашел! Ребенок! Внизу ребенок!

И верно, на экране было различимо бледное лицо девочки лет одиннадцати.

Нам предстояло решить, как и с чего начинать. Каждый случай индивидуален – не ровен час, все здание просядет под собственным весом и тогда спасать будет некого.

– Подъемные подушки сюда! – распорядился я. – Слева, на второй точке устанавливайте распорки, на двадцать пять тонн, не меньше! Третью и четвертую, под контроль. Готовьте бензореzy!

– Зачем? Пятнашек должно хватить! – недовольно возразил подошедший Андрей.

– Не хватит! Хочешь, чтоб кого-то из нас раздавило?

– Я бы туда вообще не полез! – вполголоса ответил тот. – Коридоров нет, полости узкие, собака и та не пролезет. Женя, ты хорошо подумал?

– Я смотрю, ты не особо и рвешься кого-то спасать? – раздраженно процедил я. – В чем дело?!

Тот не нашелся что ответить. Но по недовольному выражению лица и так все было понятно. Объект был действительно сложный, мог рухнуть в любой момент. С точки зрения практичности, имело смысл переключиться на соседние объекты попроще. Но такое решение гарантированно подписало бы смертный приговор всем тем, кто сейчас лежал под бетонными плитами и ждал помощи.

Общими усилиями мы доставили и установили большие подъемные подушки, поставили техника на компрессор – за давлением в подушках нужно постоянно следить и балансировать. Автокраном все-таки умудрились подцепить северный угол одной из уцелевших плит, приподняли его всего на полметра. Из-за вибрации пробивать проход было нельзя.

Часть инструмента подняли на уцелевшую пристройку.

– Бензореzy сюда! – крикнул я, надевая перчатки.

Ухватив в руки инструмент, я тут же принялся аккуратно, но максимально быстро расширять проход на нижний этаж. Конечно, травмированная во время службы спина давала о себе знать, но я не обращал на это внимания.

Неподалеку поставили вентиляторы для пылеудаления – из-за нее видимость была просто ужасной. Да и дышать пылью – такое себе.

В образовавшийся проем вставили дополнительные распорки, чтобы исключить случайный обвал. Через прорезанный проход часть наших спустились на один этаж ниже. Попытались расчистить завал, но обломки бетона и переломанной мебели были настолько большие, что наше присутствие там ровным счетом ничего не дало. Опустили туда бензорез, принялись резать вторую плиту.

– Вижу тело!

– Леха, живой?

– Не могу сказать. Просто так не добраться. Здесь мешанина из бетона и черт знает чего. Нужно резать!

Гидравлическими ножницами перекусили концы торчавшей во все стороны арматуры, затем смятую оконную раму. Пробились через большой завал. Начали работы по расчистке обломков на нижней плите, под которой был следующий этаж. По всей площадке провели освещение, подготовили инструмент.

Аккуратно подцепив кусок плиты, удалось оттащить крупный обломок в сторону, а открывшийся проем зафиксировать гидравлической распоркой. Оттуда вытащили девочку и тут же передали медикам.

В процессе работы, из-за нерасторопности одного из спасателей малый домкрат провалился в расщелину.

– Денис, какого хрена ты творишь? – возмутился я. – Он мне едва руку не сломал!

– Извини, командир, не удержал... – с виноватым видом ответил тот.

Подобных моментов было немало – сползла одна из плит, раздавив ящик с инструментом. Еще одна неправильно установленная стойка едва не стоила жизни двоим. Техник не выровнял давление, отчего одну из подушек перекосило. Из-за этого перебило воздушные трубки сразу на двух подушках.

Я был недоволен – кое-кто из группы проявлял некомпетентность, тут и там случались непредсказуемые казусы. Появились поводы для сомнения в их квалификации. Зато парни не стеснялись высказываться и выражать недовольство относительно сложности работ.

Наступила ночь, но спасательные работы продолжались ударными темпами. Дважды уцелевшие остатки здания проседали, отчего у меня сердце замирало. За пять часов с верхних этажей мы вытащили уже девятых. Вытащили одного израненного старика, который своим телом прикрывал мальчика. Благодаря его стараниям ребенок почти не пострадал. Тем не менее, все они были ранены, с явными признаками обморожения – температура воздуха под руинами едва доходила до плюс трех градусов. А учитывая, что землетрясение произошло рано утром, то все пострадавшие были без одежды.

Всех вызволенных тут же грузили на машины скорой помощи. Спасенные люди, на ломаном русском языке и со слезами на глазах искренне благодарили российских спасателей.

В очередную «минуту тишины» мы вновь принялись прощупывать пустоты.

– Женья! Срочно сюда! – вдруг окликнул меня оператор «Пеленга». – Здесь еще контакт, кажется, снова ребенок!

Я тут же устремился к нему, нацепил наушники.

И верно. В них отчетливо различался голос, судя по тональности – подростка, лет до четырнадцати, не больше.

– Участок опасный! – неуверенно произнес Андрей, выглядывая из-за плеча. – Не знаю даже...

Я спешно анализировал обстановку. Мы смогли проникнуть под руины уже почти на пять метров, однако ребенок находился еще глубже, на самой опасной точке. Но я был непреклонен. Каждое верное решение, каждое действие способно спасти чью-то жизнь. Каждая секунда решает, жить кому-то или умереть. Но помимо времени, немаловажен и тот факт, насколько опытен и смел спасатель. И я чувствовал, людям можно помочь.

– Все, запускаем зонд! – решительно приказал я. – Посмотрим, как туда можно подобраться.

– А кто туда полезет? – спросил оператор зонда.

– Я поеду! – без раздумий ответил я. – А сейчас обеспечь мне вывод изображения.

– Командир...

– Живее! Время, Миш! Время!

Запустили аппаратуру.

И действительно, через несколько минут нами была обнаружена девочка лет двенадцати. Судя по всему, во время землетрясения она сумела спрятаться в ванне. Именно это ее и спасло. Сейчас ванна лежала на боку, заваленная мелкими обломками и накрытая сломанной пополам бетонной плитой. Сверху на ней лежало целое перекрытие, а одна из стен грозилась подломиться.

Прямо между этажами, в густой пыли пришлось ставить большую гидравлическую распорку. Каждый спасатель был задействован – работы много, а свободных рук не хватало. Опытный командир должен не только руководить, но и сам принимать участие.

И тут встал вопрос, кто туда спустится? Щель оказалась узкой, но с помощью воздушной подушки мы приподняли треснутую плиту. Мнения разделились – большинство вообще считало, что дело гиблое. Все расчеты говорили о том, что конструкция держится на честном слове. Может сползти вниз, похоронив под собой и выживших и спасателей.

Начали спорить. Но все-таки приступили к работам.

Сначала опробовали с тыльной стороны – уткнулись в глухой тупик из сплошных завалов. Сбоку тоже не подобраться – несущую стену трогать было никак нельзя. Единственный вариант – пробиваться сверху вниз, разрезая плиту за плитой.

А тут еще и оператор «Системы» дал новую информацию – судя по всему, перебитый в нескольких местах водопровод подтапливал нижний этаж, отчего на экране было видно – застрявшая девочка уже частично находилась в воде. Бледное лицо перекошено от страха, она пытается звать на помощь. Сложно представить, что она сейчас переживала.

Девочка заметила зонд, принялась активно жестикулировать.

– Твою мать! Серега, отыщи переводчика! Дай ему команду, чтобы решил вопрос с турками об отключении воды! Почему этого еще не было сделано?

– Наверняка это пожарный гидрант. Сделаю!

– Так... Думаем, думаем. Что делать?

Обстановка резко ухудшилась – счет пошел на минуты.

– Ничего тут не сделать... Задохнется! – заявил Андрей, напряженно всматриваясь в экран «Системы».

– Андрюха, не нагнетай! – раздраженно отмахнулся я. – Она жива, и пока это так, есть шанс. Так! Смотрите сюда... Можно вставить распорку вот тут, компенсировав разлом справа. Места мало, но возможно, там можно протиснуться. Прорезаем в плите отверстие, там можно проползти до точки разлома.

– Ну... В теории, да.

– Если не выдержит, нас размажет!

– Опустим подушки. Накачаем изнутри, компенсируем. Следите, чтобы шланги не передавило! Нужен тщательный контроль. Саня, встань на компрессор.

– Да ну куда? – возмутился Игорь, глядя на план здания. – Жень, себя-то побереги! Рухнет!

– Вижу, что рухнет! – не выдержав, заявил я. – Вот только это произойдет только тогда, когда мы достанем оттуда ребенка.

Ребята переглянулись. Молча принялись за дело.

– Медиков сюда, пусть будут наготове!

Я торопливо принялся стягивать с себя теплую одежду – если идти, то только в нательном белье. Лезть в спецодежде – не вариант, можно зацепиться за выступ или торчащий обломок арматуры. И как ни крути, а одежда сильно стесняет в действиях.

Пока я готовился, остальные, орудуя бензорезами, спешно расширяли проход.

Опустившись ниже, я лег плашмя на живот, торопливо пополз вперед. У меня за спиной висела малая подушка, в левой руке была зажата рация. На лбу фонарь.

Пролом обнаружился метрах в двух, во все стороны шли трещины. Снизу отчетливо слышалось журчание прибывающей воды. Кое-как протиснувшись в пролом, я опустил вниз ноги и уткнулся в тупик. Осторожно разворотив обломки, протиснулся еще глубже. Здесь было совсем тесно – я неудачно зацепился спиной за острые концы торчавшей сверху арматуры – тут же почувствовал, как затрещала ткань. По спине потекло что-то липкое.

К черту, потом залеплю лейкопластырем.

Выругался, быстро определил слабую точку и установил здесь малую подушку.

– Качайте! – произнес я в рацию.

Тут же пошел воздух, подушка медленно вздулась. Плита с противным треском и скрежетом, потихоньку приподнялась лишь на несколько сантиметров, но этого хватило, чтобы ударом ноги вытолкнуть бетонный обломок, перегораживающий мне путь.

Повсюду валялись предметы обихода, обломки мебели, грязные вещи. В нескольких метрах от меня из перебитой водопроводной трубы хлестала вода. Клаустрофобы в таких местах гарантированно сходят с ума.

С трудом расчищая перед собой путь, я протиснулся еще дальше и справа увидел девочку. При землетрясении она действительно успела спрятаться в ванну, и весь удар падающего потолка приняла на себя именно она. Сейчас ванна лежала на боку, придавленная переломленной пополам плитой. Девочка была покрыта густой пылью, на щеке я заметил глубокую царапину, из которой сочилась кровь.

Из-под мелких обломков девочка освободилась сама, однако дальше деваться ей было некуда. Воды вокруг становилось все больше.

С большим трудом я смог сдвинуть обломки какого-то шкафа в сторону, но, к несчастью, потерял рацию.

Кое-как девочка вылезла из ванны. Я помог ей перебраться через россыпь стекол, указал ей направление.

На удивление она сразу поняла, что именно я пытаюсь ей сказать. К тому же, рядом вертелся зонд, со светодиодной подсветкой – именно он и послужил ей ориентиром. Когда она добралась до пролома, я двинулся следом.

Увидел блуждающий луч фонаря – кто-то из наших полез следом за мной? Ну, честно говоря, я был приятно удивлен, хотя я такой команды не давал. Через несколько секунд услышал голос Андрея.

– Андрюх, помоги девочке! – крикнул я.

– Сделаю, командир! – едва слышно отозвался тот.

Несколько минут и ее вытащили на поверхность. Теперь была моя очередь.

Вдруг посыпалась каменная крошка и пыль. Рухнул целый пласт бетона. Дело плохо – прежним путем не пройти. Справа я видел еще один пролом, через который можно было выбраться. Добрался до него через минуту, увидел свет фонаря.

– Сюда! – произнес я, привлекая внимание. Это снова был Андрей.

Вдруг сверху упал пласт штукатурки, едва не раскроив мне голову.

– А, черт! – раздалось сверху. – Извини, командир.

– Понаберут по объявлению, – недовольно проворчал я. – Карабин давай, я сам отсюда не вылезу.

И именно в этот момент послышался оглушительный треск. Посыпалась пыль, мелкая крошка и осколки стекла. Здание вздрогнуло. Обломок сполз вниз, частично перекрыв проход.

– Карабин, живее! – взревел я.

На мгновение тот застыл, глядя мне прямо в глаза. Лицо было бледное, испуганное.

– Жень я... прости, – пробормотал он.

Андрей бросил карабин, а сам торопливо пополз влево, мгновенно скрывшись из вида.

– Стой! Куда?! – крикнул я, но тот словно не слышал.

Дерьмо, бросил меня. Ну погоди, дай только выбраться – спасателем ты работать точно больше не будешь!

Поколебавшись, я попытался в прыжке ухватиться за торчавший обломок трубы, но вдруг сверху снова затрещало. А через пару секунд огромная плита резко просела вниз.

– Ну, хоть девчонку вытащил... – подумал я, прежде чем меня раздавило несколькими тоннами сплошного бетона...

Глава 2

Медведь

Резко открыв глаза, я толком ничего не увидел. Лишь огромное светло-серое пятно, не похожее ни на что. Откуда-то на лицо упала холодная капля, разбившись на мелкие частички. Затем вторая, третья.

Не понял, дождь, что ли?

Какой, к черту, дождь под обломками рухнувшего здания?

Я хотел вытереть лицо, но не смог этого сделать. Руки не подчинялись, и это меня не на шутку напугало. Зажало меня, что ли? Я попытался вскрикнуть, но почему-то не услышал собственного голоса.

Это было ненормально, пугающе. Практически сразу на ум пришло осознание того, что все это как-то нереально. Под руинами жилого дома на меня бетонная плита рухнула, наверное, голове досталось – вот и ловлю неестественные галлюцинации. Но почему я не чувствую боли? Да я вообще ничего не чувствую.

Так, либо я по-прежнему лежу среди руин, либо меня уже достали и отвезли в больницу... Нет, что-то не то!

Слух включился внезапно. Я отчетливо услышал шум ветра, далекое журчание воды. Совсем рядом раздалось мрачное карканье вороны. Одновременно я ощутил запах сырости и мокрой листвы.

Да что происходит?

Невольно вздрогнул. Мозг не понимал, что происходит и как такое вообще возможно? Быть в одном месте, понимать, что сейчас погибнешь и вдруг очнуться непонятно где. Я как будто бы проснулся...

Тем временем зрение быстро приходило в норму, а серое пятно вырисовалось в картину серого неба, сплошь затянутого мрачными, серыми тучами.

Почувствовал, что могу двигаться. Привстал, причем получилось это неестественно легко.

Не было вокруг никакого бетона, не было обломков и пыли. Ничего из того, что я запомнил. Вместо этого меня со всех сторон окружал осенний лес, а сверху нависли серые, унылые тучи. Темные деревья стояли почти голые, лишь кое-где еще болтались редкие желтые листья. Трава давно пожухла.

Как раз в этот момент начал моросить мелкий дождь.

Ничего не понимая, я растерянно осмотрелся по сторонам и понял, что сижу прямо на земле, на краю небольшой поляны, окруженной деревьями. Сам я одет в теплый, хотя и старый ватник, на плечах потертый бушлат. На поясе нож в ножнах, явно не заводского производства. Ноги в грязных кирзовых сапогах с прилипшими к подошвам кусками грязи вперемежку с травой. Справа от меня, прямо на траве лежит очень старое ружье-одностволка.

Вокруг никого. Вообще ни души.

Нет, стойте.

Метрах в десяти справа, прямо на грязной земле в неестественной позе лежало распростертое тело, со следами крови на одежде.

– Что за ерунда? – растерянно пробормотал я, не узнав собственного голоса.

Голос точно не мой. Этот явно моложе, без хрипотцы. Ладонью тронул свой рот и почувствовал небольшую жесткую бороду и усы. Какого лешего, я ведь никогда не носил усов?

От осознания этого факта, я еще несколько секунд пребывал в ступоре.

Рывком поднялся на ноги и даже удивился – как легко мне это удалось. Спина, с которой я мучился уже не первый год, отреагировала вполне нормально. Так-то, после ранения во время марш-броска, полученная травма уже не позволяла мне демонстрировать прежнюю физическую подготовку. К моему удивлению, сейчас все было в норме.

Вдруг ощутил боль в груди. Глухую, тупую.

Обратил внимание, что и бушлат разорван в той же области, две пуговицы вырваны с корнем. Выглядит так, будто меня что-то ударило. Или кто-то.

Ничего не понимая, я продолжал осматриваться. На душе было паршиво. Поднявшись, медленно подошел к распростертому на земле телу. Зрелище было не из приятных – мужчина, возрастом под пятьдесят, со слегка поседевшей бородой, в неестественной позе лежал прямо в грязи. Бушлат распорот в лоскуты, плечо разорвано в кровь. Выглядит ужасно. Судя по всему, лежит уже около суток.

Протянул руку к шее – пульса, естественно, не было.

Одновременно рядом с телом я разглядел отпечатки огромных лап. На влажной грязи отчетливо различались следы когтей. От увиденного мне стало не по себе.

Медведь. Твою мать, медведь!

– Так... – растерянно пробормотал я, отшатнувшись от тела. Оглянулся на валявшееся неподалеку ружье.

Сразу же осмотрелся, весь превратился в слух. Если где-то треснет ветка – значит, хищник еще здесь. Ох, лучше бы я ошибся и никакого медведя здесь не было.

Непонятно откуда я вспомнил, что косолапый хищник предпочитает мясо с душиком, чтобы оно полежало пару дней. Поймав добычу, медведь не станет есть ее сразу, будет бродить где-нибудь неподалеку. Черт возьми, откуда я это знаю?

Судя по погоде, сейчас поздняя осень. Возможно, даже начало декабря, но снега еще нет. Относительно тепло, может, плюс один-два градуса. Тогда какого хрена зверь не в берлоге?

Ответа на этот вопрос не было.

Ощутил, что в области правого виска что-то мешает. Потрогал пальцами и нащупал ссохшуюся кровь, стянувшую кожу. Черт возьми, а с головой-то что?

Снова увидел следы на земле, только чуть дальше. Тут и там валялись вещи, чей-то сапог.

Если это действительно медведь то, скорее всего, шатун. Зверь, который либо не лег в зимнюю спячку, либо был кем-то разбужен.

Что происходит и как так получилось, что я оказался на этой поляне, само собой отошло на задний план. Сейчас важно не наткнуться на голодного хищника, иначе чудесное пробуждение не будет иметь никакого смысла.

Вокруг по-прежнему стояла тишина, не считая естественного, природного фона.

Снова каркнула ворона. Птица сидела на одиноко стоящей осине, с любопытством тарасилась в мою сторону и щелкала клювом.

В голове все перемешалось, отчего мысли путались, что отнюдь не способствовало принятию верного решения. Снова наткнулся взглядом на погибшего человека. Если этот охотник мертв, почему тогда я цел и невредим? Что вообще произошло на этой поляне?

Глухая боль в груди все поставила на свои места. Не знаю как, но видимо, я попал под удар могучей лапы. От этого потерял сознание и... Что?

Торопливо подхватил с земли ружье. Пальцами почувствовал холодную сталь и гладкий деревянный приклад, покрытый глубокими царапинами. Стряхнул с него воду, ловко переломил оружие пополам, хотя с ружьями никогда дел не имел. Вот автомат «Калашникова» я знал как свои пять пальцев.

Вытащил бумажную гильзу – пустая. Вместе с тем я почувствовал отчетливый запах пороха. Из этого оружия стреляли, причем, совсем недавно. Поискал глазами патронташ – но

его нигде не было. Зато увидел валяющийся неподалеку выпотрошенный рюкзак. Еще дальше – пустая банка каких-то консервов, раскрошившиеся сухари и кусок смятой газеты.

Увидел отпечаток подошвы в грязи. Рядом валялась перепачканная кровью темно-красная книжечка. На ней значилось «Членский охотничье-рыболовный билет». К сожалению, понять, чей он, я не смог – это была лишь «корочка», а внутренность оказалась вырвана самым варварским способом.

В нескольких метрах слева находилось остывшее кострище, над ним на треноге висел одинокий котелок. Еще дальше валялась смятая брезентовая палатка и разбросанный хворост. Теперь-то я понял – все это стоянка охотников или что-то в этом роде.

Подошел к рюкзаку, подхватил его и заглянул внутрь – патронов внутри не оказалось. Зато наружу вывалились большая банка консервов, на которой была криво прилепленная бумажная бирка с надписью: Консервы свинобобовые. «Наркомпищепром СССР».

Как-то не обратил на нее внимания. Отложил банку в сторону.

Еще внутри были смятые портянки, какая-то сетка. И больше ничего ценного.

Обратил внимание на легкий шум ветра. Среди звуков вновь различил журчание воды. Значит, где-то рядом находится река.

Поискал ее глазами, но не нашел. Скорее всего, где-то за деревьями.

Медленно подошел к телу, осмотрел его. Судя по всему, мужик лежит тут с вечера. Хотел осмотреть его вещи, но рюкзака при нем не оказалось. Патронташа тоже не было. Да что за черт?!

Запустил руку в карман штанов погибшего и почти сразу нащупал три патрона. Извлек их наружу и облегченно выдохнул. В другом кармане обнаружилась помятая коробка спичек. В глаза бросилась странная надпись на упаковке: «Наркомлес», а на обороте «Главспичпром».

Надо же, не спички, а прям настоящий раритет. Он что, из музея их украл?

Хотел уже отойти и осмотреть палатку, но вдруг ворона, что по-прежнему сидела на ветке, тревожно каркнула. Испуганно вспорхнула и быстро скрылась за кронами деревьев.

Стало как-то совсем тихо. Даже дождь перестал капать.

Насторожившись, я вновь осмотрелся по сторонам. И вдруг среди поваленных веток увидел то, отчего у меня сердце бешено заколотилось, а по спине поползли мерзкие мурашки.

Примерно в двадцати метрах от меня неподвижно стоял огромный бурый медведь.

Могучий хищник практически не двигался, при этом буравил меня раздраженным взглядом. Его взгляд не сулил ничего хорошего – медведь не был заинтересован, он был крайне недоволен моим присутствием.

В районе плеча шерсть у зверя слиплась и сбилась в колтуны. Пасть приоткрыта, оттуда вырвался клуб пара.

Невольно отметил, что выглядел медведь неважно.

– Вот дерьмо! – одними губами пробормотал я, глядя на него ошеломленным взглядом. Снова поползли ледяные мурашки, отчего ощутил дискомфорт в затылке.

Ранее мне никогда не доводилось сталкиваться с медведем, по крайней мере, вот так в открытую. Не отрывая взгляда от хищника, я медленно приподнялся – тот продолжал смотреть на меня жутким, пожирающим взглядом. Даже отсюда я видел, как он оттопырил нижнюю губу.

Наверняка решил, что я собираюсь посягнуть на его добычу? Или же посчитал добычей меня...

Ветер дул мне в лицо, скорее всего, моего запаха зверь не почувствовал.

Я попытался быстрее, продолжая смотреть на хищника. Ружье сжал так, будто боялся, что оно исчезнет. Откуда-то вспомнил, что к медведю нельзя поворачиваться спиной и тем более убегать от него.

– Пошел прочь! – громко крикнул я. – Уходи! Ну!

Нужно дать ему понять, что я не добыча. Скорее всего, он считает меня угрозой. Может быть, спутал меня с каким-нибудь зверем?

В голове вновь проскочила запоздалая мысль – какого черта в это время года он не в берлоге? Наверное, я не ошибся – это точно медведь-шатун. Такой не боится ни бога, ни черта... Но тогда чего он сразу не сожрал труп охотника, если голоден?

Видимо, ему надоело ждать – снова взревев, зверь решительно двинулся ко мне. Я мельком обратил внимание, что он прихрамывал на левую переднюю лапу. Так вот почему на нем шерсть в районе плеча слиплась – он был ранен. Мгновенно сопоставив факты ранения медведя и запах пороха из моего ружья, пришел к неутешительному выводу – скорее всего, это я в него и стрелял.

Быстро обернувшись, через ветки увидел воду. Река, примерно метров пятнадцать шириной.

Убить зверя вряд ли возможно, а вот попробовать пугнуть можно. Я торопливо разломил ружье и хотел было сунуть патрон в приемник, но сразу же понял, что ничего не выйдет. Калибр не тот!

Тут мне уже стало реально страшно. Огромный хищник двигался прямо ко мне, и весь его вид говорил о том, что он не обниматься собрался...

Бесполезный патрон полетел в траву. А вот оружие я бросать не стал. Не знаю, сколько прошло времени, пять секунд или пятнадцать – не до этого было. Хищник вдруг замедлился, подошел к мертвому телу и принялся. Снова взглянул на меня и громко заревел. Бросился в мою сторону, но видимо, ранение не позволило ему двигаться быстро.

Развернувшись, я бегом рванул к реке и почти сразу увидел небольшой плот. Тот был ловко «припаркован» в уютной заводии, привязанный к дереву веревкой.

До него было недалеко, метров тридцать. Ловко продравшись через кусты, я ускорился так, что пятки засверкали. Буквально с разбегу запрыгнул на плот, тем самым оттолкнув его от берега. Однако веревка надежно удерживала случайно обнаруженное плавсредство. Время пошло на секунды – медведю ничего не стоит запрыгнуть следом за мной, разломав плот в щепки.

Торопливо выхватив нож, я широким размахом перерубил веревку, отчего та лопнула. Ухватил с плота деревянную слегу, упер ее в дно и что было сил, оттолкнулся от берега. Течение медленно понесло плот вниз, где река круто уходила вправо. Когда почему-то замедлившийся медведь всё-таки добрался до воды, расстояние между нами было уже около пяти метров. Зверь остановился в недоумении, словно бы решал, лезть ему в воду или нет. Вблизи этот лохматый хищник казался еще более огромным и жутким. Ну и громадина...

Все-таки решившись, медведь нехотя полез в воду. Но видимо, там оказалось глубоко, потому что уже через пару секунд он прекратил преследование. Прямо в воде поднялся на задние лапы и яростно заревел. Уставился на меня таким взглядом, будто бы напоминал...

– Что, съел? – довольно заорал я, показав медведю средний палец.

Ни капли не обидевшись, косолапый принялся выбирать на берег. Вскоре меня отнесло дальше, и медведь скрылся из вида.

Опустившись на плот, я облегченно выдохнул. Ни хрена себе, вот это приключение... Я просто не мог поверить в то, что происходило с моей шкурой... Однако невозможно не признать, мне несказанно повезло – если бы не плот, далеко бы я точно не убежал, ведь медведи могут бегать со скоростью до шестидесяти километров в час. Зверюга меня на куски бы порвал...

На плоту лежало закрепленное бечевкой одеяло, фляга с водой, какие-то тряпки. Еще была кружка и тук, набитый мелкими шкурами. Никакой провизии тут не оказалось. Оружия и патронов тоже не было. Невольно обратил внимание, что в воде плавает вторая веревка, как будто бы ранее здесь было привязано еще что-то. Возможно, второй плот.

– Ни отлично, ни ужасно... – пробормотал я, чувствуя, как бешено колотится в груди сердце.

Ниже по течению река значительно расширилась, правда, кое-где я заметил небольшие водовороты. Прибиваться к берегу мне совсем не хотелось – медведь явно не станет так легко отказываться от добычи. Скорость движения плота небольшая, тот вполне сможет преследовать меня. Впрочем, он еще с погибшим охотником не закончил. Выиграю время...

Одновременно я подумал – а кто же я такой? Как я вообще тут очутился? Как вообще объяснить тот факт, что я не под руинами в Турции, а здесь... Кстати, а где это здесь?

Очевидно же, это никакие не галлюцинации. Не сон. Все слишком реально, ведь я даже запахи чувствую, не говоря уже о слухе и зрении. Самочувствие отличное – давно так хорошо себя не чувствовал.

Но я прекрасно помню, как на меня начала падать многотонная бетонная плита. И деваться там было некуда – ни в какую нору не забиться, не спрятаться. Меня должно было раздавить как червяка... Это что же выходит – раздавило?

Спешно анализировал обстановку, отсекал бредовые варианты.

Судя по природе, вокруг сплошной лес и река. Нигде ни намек на мусор, до самого горизонта не видно никакого присутствия человека... Ни домов, ни машин. Вот это меня угораздило попасть в глухомань.

– Вот дерьмо! – произнес я.

Голос точно не мой, хотя сейчас я отнесся к этому уже спокойнее. Конечно, мысль о том, что я погиб, а мое сознание вместе с памятью каким-то неведомым образом перелетело в тело несчастного охотника, казалась безумной... Но как еще это можно объяснить? Я других теорий не знаю. Нет, ну, возможно, я сейчас лежу в госпитале, обколотый сильнодействующими препаратами и... бред какой-то!

Судя по всему, это тело гораздо моложе, возрастом где-то лет под тридцать, может, чуть больше. Одежда какая-то старая, бесформенная. Ткань грубая, но добротная. Почему-то нет ни молний, ни заклепок. Только крупные костяные пуговицы. Я вообще не припомню, чтобы где-то видел такую одежду.

Порылся в карманах и к своему удивлению нашел несколько монет, номиналом по пятнадцать копеек, тридцать восьмого года выпуска.

Я едва не подавился. Чего, блин? Зачем таскать с собой это старье?

Обратил внимание, что эти копейки не выглядели старыми, а как раз совсем наоборот. Вполне себе свежие монеты из какого-то сплава. Там отчетливо читалась аббревиатура СССР.

Выбросил их – зачем мне этот мусор?

Блин, да как такое вообще возможно? Просто в голове не укладывается.

Немного пораскинув мозгами, я потрогал рукой грудь. Расстегнул порванный бушлат, увидел какое-то странное нательное белье, похожее на холщовую рубаху. А под ней на коже был довольно заметный кровоподтек. Потрогал пальцем – отдалось болью. Ну, точно, скорее всего, от сильного удара.

Мне пришла в голову дельная мысль – в момент моей смерти там, в Турции, этого охотника лапой ударил медведь. То ли удар оказался смертельным, то ли при падении он виском о камень ударился... А, может, у мужика со здоровьем было не очень или медведь бил не когтями? Выходит, охотник помер, а я занял его тело, как вода занимает пустой сосуд. Да-а... Я бы и сам не поверил, но сейчас это единственное, что приходило мне в голову. Хотя я и не верил в происходящее до конца.

Несмотря на сомнительный настрой, где-то в глубине души я ощущал, нечто необъяснимое. Страх, что ли? Нет, не страх. Скорее, неопределенность перед неизведанным. Ведь как ни крути, а мне довелось умереть. Пусть я этого и не заметил толком.

Тем временем плот продолжал плыть вниз по течению, понемногу смещаясь к другому берегу. Надеюсь, уж там-то медведя не окажется?

Не окажется. Я откуда-то знал, что ареал обитания у медведя достаточно большой и во владениях одного хищника, другой может оказаться лишь по недоразумению.

Это куда ж меня занесло, что тут свободно медведь на охотников нападает? Сибирь? Тайга?

Рассмеялся.

Постелил одеяло на бревна, уселся сверху и принялся наблюдать за природой вокруг. Эх, жаль время года не подходящее. Летом тут была бы изумительная красота, а сейчас все мрачно и уныло. И все же было что-то такое, что невольно завораживало...

Невольно прокручивал в голове события в Турции. Девчонку я, к счастью, вытащил, а вот себя не сумел. Точнее, не успел. Да еще и напарник тот. Бросил меня, зараза. По глупости ведь вышло. Чего он вообще полез, раз опыта не хватало?

Ещё я заметил за собой, что никак не могу собраться с мыслями, что в голове царил полный кавардак. Мысли то и дело перескакивали с пятого на десятое. Ощущал себя не опытным боевым офицером, а неуверенным туристом, что за домом в ближайшей роще потерялся. Создавалось смутное впечатление, будто бы в моем подсознании присутствовали некие обрывки чужих мыслей, хотя понял я это далеко не сразу. Уж не оказывает ли на меня влияние подсознание и память тела, в которое я угодил?

Все это странно. Необъяснимо. По крайней мере, как ещё истолковать некоторые знания, что появились в голове уже после моей смерти? И наоборот, часть моих собственных знаний словно растворилось. Я не помнил некоторых имён, дат... Неужели во мне смешались две личности?

Так, за размышлениями, прошло больше часа.

Река неторопливо несла плот все дальше и дальше. Изредка я пробовал подруливать веслом, но получалось у меня это плохо. Плот то вертело вокруг своей оси, то поворачивало в ненужную мне сторону. В конце концов, я наловчился кое-как управлять плавсредством.

Погода потихоньку портилась. Несмотря на затянутое тучами небо, было около нуля градусов. Вроде и не холодно, но все же. Шапки у меня не было, видимо, потерял где-то на поляне.

Ощутил в желудке голодный позыв. Хорошо бы перекусить, да только чем? Жаль, банку с консервами забыл на поляне, а другого съестного на плоту не было. Откупорил флягу – та оказалась наполовину заполнена водой. Вроде питьевой. Попробовал – не скажу что чистой, но вполне годной для употребления.

Ну, хоть жажду утолил и то хорошо.

Еще часа два прошли спокойно. Вскоре течение замедлилось настолько, что плот практически остановился. Я решил попробовать пришвартоваться к противоположному берегу.

Перемещаясь по плоту, к своему изумлению я обнаружил привязанную к крайнему бревну небольшую самодельную удочку.

Уж рыбалку-то я любил и уважал. Правда, таких снастей я вообще никогда не видел. Крючок выглядел так, будто его зубами изгибали, а про само удилище я вообще молчу. Чистая самоделка.

Ловить рыбу можно на что угодно, да только у меня никакой наживки нет. Ни хлеба, ни кукурузы. Насекомых в это время года уже нет, но можно попробовать поискать червей. Хотя, учитывая температуру, скорее всего, ничего я не найду.

Кое-как причалив к берегу, я выбрался на землю. Лопаты, естественно, не было, пришлось копать ножом. Провозился я около часа, выкопал целую траншею глубиной сантиметров тридцать. Червей не нашел.

Зато обнаружил неподалеку большое трухлявое бревно. Основательно расковыряв его ножом, обнаружил пару личинок древоточца. Вот их-то я и собирался применить по назначению.

Вновь забравшись на плот, насадил вяло шевелящуюся личинку на кривой крючок, выставил глубину и закинул в воду. Через несколько минут поплавок дернулся. Выждав удачный момент, я совершил быструю подсечку.

Неудачно. Удилище согнулось, почувствовал, что на том конце точно что-то есть. Но в следующее мгновение рыба сорвалась.

Выругался. Нацепил второго червяка. Снова закинул в воду и принялся ждать. Очередная поклевка – снова подсечка... На это раз подцепил хорошо. Явно попало что-то нормальное. Повозившись немного, я дал рыбе устать, а затем подтащил ее к берегу и рывком выкинул на траву.

Это был линь. И весьма неплохой.

Уху бы сварить, да только из чего и в чем? Котелок остался на поляне, соли у меня не было. Как не было ни овощей, ни зелени. Оставался единственный вариант, запечь на деревянном шампуре.

Хорошо хоть трофейные спички имелись.

Быстренько пробежавшись по берегу, я собрал веток, развел костер. Ножом почистил линя от чешуи, выпотрошил и промыл в реке. Затем выстругал тонкий «шампур» из ветки и сделал над костром рогатину. Насадив добычу, принялся ждать.

Без соли, конечно, не очень. Но я вспомнил, что обычную золу можно использовать как соль. Пришлось повозиться, но в итоге все получилось.

Через минут двадцать по поляне поплыл вкусный запах печеной рыбы. Уже собирался перекусить, как вдруг неподалеку услышал волчий вой...

Глава 3

Назад в СССР

– Волки! – пробормотал я, поднявшись на ноги.

В голове появилась мысль, что волки по одному ходят редко, куда чаще они сбиваются в небольшие стаи. В данный момент эти санитары леса были для меня прямой угрозой. И хотя никаких перемещений поблизости я не заметил, все равно держал ухо востро.

Оружия у меня не было, а серые хищники представляли серьезную опасность. Голыми руками волка не удавить, а я хоть и боевой офицер, но вовсе не спецназовец в теле аватара. От греха подальше снял с шампура приготовленную рыбу и вновь перебрался на плот. Там наконец-то поел. Запил водой из фляги. Обратил внимание, что на поверхности плавала тончайшая алюминиевая пленка – даже усмехнулся, во время моей срочной службы наблюдал то же самое. К счастью, она совершенно безобидная.

Рыбка оказалась весьма вкусной, пусть и без приправы – умял ее за милую душу. Скучновато, конечно, но лучше чем ничего.

Из-за того, что патроны у меня отсутствовали, от ружья толку было мало. Однако избавляться от него я пока не спешил. Вдруг еще пригодится?

Близился закат, что поставило меня перед вопросом – как и где ночевать? Остаться на берегу опасно, раз неподалеку волки – спокойствия не будет. Наверняка уже за версту меня почуяли, нюх у них острый.

Придется ночевать на плоту, других вариантов у меня нет.

Одеяло, конечно, хорошо. Однако за время рыбалки температура опустилась на пару градусов и ночью, скорее всего, будет еще холоднее. Не критично, но черт его знает, как организм на это отреагирует.

Быстро покончив с рыбой, кости выбросил в воду. Нужно было придумать, как развести и поддерживать костер на плоту. И снова я догадался, что нужно делать в этой ситуации, хотя в целом ничего феноменального в этом не было. Побродив немного вблизи своей стоянки, я отыскал на берегу выход глины. Наковыряв ножом достаточное количество, смочил водой и толстым слоем обмазал ею бревна. Получилось что-то вроде глиняной прослойки в форме квадрата, примерно шестьдесят на шестьдесят сантиметров. Выбрал место поближе к краю, чтобы было, где лечь. Дополнительно засыпал глину песком, а по краям обложил камнями, что нашел на берегу. Как только они нагреются, от них будет идти хорошая теплоотдача. В центр поместил сучья потолще, сверху поменьше.

К сожалению, часов у меня не было, но на все это дело ушло около часа.

В итоге получилось что-то вроде прокладки, толщиной в несколько сантиметров. Теперь можно смело разводить огонь – плот пострадать не должен. На подготовленном пятачке я аккуратно сложил несколько дров покрупнее, перенес туда костер. Пожалуй, теперь можно спокойно ночевать прямо на плоту и греться рядом с пламенем. Уж не знаю, насколько его хватит... На всякий случай сделал запас дров.

Еще несколько раз слышал волчий вой, то ближе, то дальше. Каждый раз замирал, не зная, чего ожидать. Попробуй-ка оставаться спокойным, когда рядом бродят хищники.

Вскоре стемнело.

Перемотал портянки. Свежих не было, пришлось использовать те же.

Конечно, пришлось вспоминать, как это делается, все-таки сколько лет прошло со времен срочной службы.

Торопиться мне было некуда, и я серьезно озадачился вопросом – почему я до сих пор не встретил людей? В наше время люди расселились буквально повсюду, охотников или туристов

можно встретить где угодно. Да даже если я в тайгу угодил... Должен же я на кого-нибудь наткнуться? А там придумаю, как добраться до города.

О причинах смерти и о том, в чье тело я попал, что я буду делать дальше, пока старался не думать. Не до этого. Наверняка у этого бедолаги была своя жизнь, возможно, семья. У него должен быть дом, родственники, друзья и знакомые. Примерять на себя чужую жизнь мне совершенно не хотелось, но разве у меня был выбор? А впрочем...

В любом случае сначала нужно выбраться из леса. Я собирался пользоваться плотом столько, сколько это вообще будет возможно. Если скорость его движения будет в пределах шести – восьми километров в час, то за день легко можно сделать до ста с лишним километров, а движение вдоль реки – это гарантированное поселение или деревня. Благо, река пока что позволяла.

Мой плот оказался свежим, построенным недавно. Он был сложен в два ряда бревен среднего диаметра, сбит стальными скобами и имел размеры примерно три на два метра. Тесновато, но для двух-трех человек вполне достаточно. Однако плыть ночью вслепую было опасно, мало ли куда меня занесет и что там дальше по реке? Вдруг отмель? Если попаду на мель, сдвинуть его в одиночку вряд ли сумею. А перспектива идти по берегу, с ружьем без патронов меня совершенно не радовала.

С одной стороны, я устал, как собака, с другой – после всего пережитого вряд ли смогу заснуть. Да и небезопасно. Плот может либо унести течением, либо прибить к берегу. Решил принять соответствующие меры.

Выточил ножом две слеги, что было сил воткнул их в ил и привязался к ним короткой веревкой, что нашел в мешке со шкурами. Проверил – вроде бы держатся нормально, благо вода в заводи была стоячая. Расстояние до берега – метра четыре с половиной. Не очень надежно, но дальше слеги просто не доставали до дна.

Спать с костерком, накрывшись одеялом и положив под голову мешок, было хорошо, хотя и не очень удобно. Имелось опасение, что упаду в черную воду.

Само собой, держать себя в руках, когда рядом бродят хищники – непросто. И неважно, опытный военный или обычный человек... Я был спасателем, был специалистом по выживанию, был военным. Но выживание в дикой природе, это совсем не то же самое. Чувствовал какую-то неуверенность, но чем она вызвана – так и не решил.

Однако с удивлением отметил, что откуда-то владею некоторыми знаниями, о которых ранее даже не догадывался. Вполне возможно, что предположение верно – они достались мне вместе с телом, так сказать, от реципиента.

Несмотря на сложную ситуацию, я старался сохранять спокойствие и контролировать свои мысли. Не паниковать. Конечно, давалось мне это нелегко, но я хорошо понимал, что если буду бегать по берегу с криками «помогите, спасите», станет только хуже.

Я вовсе не социопат, но все же больше предпочитаю уединение. Шумные компании не очень любил и посещал такие мероприятия нечасто. Возможно, это еще одна причина, почему я до сих пор не обзавелся семьей. Подумав об этом, горько усмехнулся. Если я погиб под теми завалами в Турции, меня ведь и похоронить-то некому...

Ночь прошла беспокойно – то и дело был слышен волчий вой, причем то ближе, то дальше. Это не давало мне нормально поспать, к счастью, за прожитые годы в армии я научился обходиться тем, что есть. К тому же биологические часы никто не отменял – я все-таки заснул примерно в десять вечера, а проснулся перед самым рассветом. Где-то над лесом раздался громкий рев, а затем одиночный выстрел, отчего я тут же вскочил на ноги.

Неужели снова на кого-то чертов медведь напал?

Сон как рукой сняло и заснуть больше я не смог. До самого восхода я просидел у крохотного костерка, закутавшись в одеяло. Из тряпок соорудил нечто вроде капюшона, заменив этим утерянную шапку. Чтобы голова не мерзла.

К восходу солнца температура упала еще ниже, да еще и мелкий снег посыпал. Хорошо хоть ветра не было. Ухудшение погодных условий меня совершенно не обрадовало.

На месте ночевки ширина реки достигала около двадцати пяти метров, течения тут почти не было. Ловить рыбу я не стал, решил продолжать движение настолько, насколько это было возможно.

На всякий случай, быстро пробежался по берегу и собрал еще дров, после чего вернулся обратно. На суку заметил тетерева – что меня крайне удивило. Тот меня даже не испугался... Это что-то совсем странное.

Не теряя зря времени, я быстро отвязал плот и его потихоньку понесло дальше. За следующим поворотом реки русло постепенно сузилось. Появились деревья, густые ветви которых нависали над водой, отчего мне снова пришлось орудовать веслом. Если я тут застряну, вытолкнуть плот в одиночку уже не получится.

Снег посыпал еще сильнее, видимость быстро упала до двадцати метров. Я начал переживать, что могу пропустить какое-нибудь поселение и просто проплыть мимо.

То ли стало еще холоднее, то ли сказывался тот факт, что я практически не двигался, но я начал подмерзать. Если бы я шел пешком, постоянное движение позволило бы организму согреваться естественным путем и поддерживать сносную температуру, а вот так, сидя на плоту, пусть и рядом с костром, и под одеялом...

Через несколько часов я серьезно озадачился проблемой голода.

Желудок люто урчал – от съеденной вчера рыбы не осталось и следа.

Можно было бы попробовать вновь половить рыбу, но у меня не было червей. А учитывая усилившийся снег, искать гнилые бревна в округе было глупо. Да и рыбачить тут было совсем неудобно. От ружья толку не было – оно лежало рядом, но выбрасывать его я по-прежнему не собирался. Такими предметами не разбрасываются просто так.

Меня начали посещать беспокойные мысли, что я угодил в глухую тайгу и что людских поселений поблизости нет и не будет. Честно говоря, стало немного страшно. Сколько я так буду плыть? Вдруг, с каждой минутой я, наоборот, все дальше и дальше уплываю от деревни или села? Черт возьми, сколько я протяну без еды? Без оружия?

Взял себя под контроль. Я прожил насыщенную жизнь, опыта и знаний – вагон и маленькая тележка. Конечно, к выживанию в тайге я был не приспособлен, но если захочешь жить – всему можно научиться. Человек вообще удивительное существо, будет жаловаться, сколько угодно, но при необходимости адаптируется к любой среде и приспособится к любым условиям.

Человек может прожить без пищи около двух недель. Но даже тогда возможны варианты. Учитывая наступившее время года, прокормиться в лесу просто нечем... Какие-нибудь замороженные ягоды, мелкие звери или птицы. Нужны силки, но их ставить я не умел. Все это одна проблема, которую нужно было как-то решать.

За короткое время мой плот превратился в плавучую льдину – все засыпало снегом. Пришлось несколько раз сгребать снег в воду. В очередной раз я настолько увлекся этим процессом, что не сразу услышал голос...

– Эй, на плоту! – раздалось с берега.

От неожиданности подскочив, я завертел головой по сторонам. На заснеженном глинистом берегу, среди сухого камыша я увидел человека в каком-то меховом тулупе, чудаковатой шапке-ушанке и в сапогах. В руках у него было ружье, за плечами большой вещевой мешок. На боку висел топорик, а через плечо был перекинут патронташ. По заросшему седеющей бородой лицу сложно было определить возраст человека, но тот явно был уже немолод.

– День добрый! – громко поприветствовал я, тут же вооружившись веслом.

Кем бы он ни оказался, непременно нужно было выяснить, где я нахожусь и куда двигаться дальше. Попытался направить плот к берегу, но получилось у меня это не сразу. Когда

же бревна все-таки уткнулись в илистый берег и мне удалось кое-как пришвартоваться, я потопился сойти на твердую почву.

– Э-э... Кто ж тебя так учил веслом орудовать? – прищурился охотник.

– Никто, – опешив, ответил я, остановившись в нерешительности.

– Странно... – тот медленно двинулся ко мне, с подозрением всматриваясь в мое лицо. – Кто такой? А-а, стой-ка... Из группы Снегирева?

– Чего?

– На Снегирева работаешь, говорю? – повысил голос тот.

Само собой, кто такой Снегирев я и понятия не имел. Но на всякий случай кивнул.

Несмотря на густую седую бороду и усы, я подметил, что охотник почти старик, возрастом за шестьдесят. Однако выглядел он молодцом. Высокий, широкий в плечах. Дряхлости ни в одном глазу – достойно уважения.

– Плот твой? – он кивнул на мое плавсредство, где только и лежала что заснеженная связка веток и смятое одеяло. Ну и еще догоравший костер, от которого вверх поднималась едва заметная струйка дыма. – Чего ружье бросил? Как ты тут вообще очутился?

– Заблудился, – брякнул я, затем торопливо добавил: – Слушай, отец... Далеко до города?

– Города? Какого еще города?

– Ну, я не знаю... – с сомнением произнес я. – Город, деревня. Хоть что-нибудь есть поблизости?

– Кроме Соболевки тут ничего нет, – задумчиво ответил тот, продолжая смотреть на меня хмурым взглядом. – В двенадцати километрах. Ты, что ли, сам дороги не помнишь?

Я шумно вздохнул. Оглянулся на плот, затем снова посмотрел на старика.

– Тут дело такое произошло... – неуверенно начал я. – Несчастье. Медведь на охотника напал, порвал его.

– Медведь? – удивленно поднял бровь тот. – Нет тут никаких медведей. Уже лет семь как. Ты самогонки перебрал, что ли?

– Да при чем тут это? Трезвый я, ни в одном глазу! – вспыхнул я. Разговор не складывался. Старик смотрел на меня с явным недоверием, его вопросы начали меня раздражать. Наверняка, с виду я и впрямь выглядел странно. Как браконьер.

– Что за ерунду ты мелешь? Где остальные?

– Да блин, отец! – возмутился я, затем поторопился я объяснить ситуацию. – Ты прости меня... Я вообще ничего не помню: ни кто такой этот Снегирев... ни даже своего имени. Тут вот как получилось... Я на поляне какой-то очнулся, не помню ничего. Может, головой стукнулся, может, кто стукнул. Не знаю. Лес кругом, рядом река. В десяти метрах от меня тело разорванное лежит, палатка валяется, вещи разбросанные. Ничего не помню. Как на поляну попал, кого загрызли... Только оклемался, а тут медведь откуда ни возьмись. Ружье есть, патронов нет. Недобро он на меня смотрел, как на добычу. Я отходить начал, а он за мной. Я развернулся и бегом к реке. Повезло, плот заметил. В общем, так и ушел. Ну и вот, почти сутки плыву, сам не знаю куда.

Несколько секунд тот смотрел на меня внимательным и пронизывающим взглядом. Обратил внимание на порванный бушлат, самодельный капюшон. Затем, едва заметно усмехнувшись, закинул ружье на плечо и произнес:

– Не хочу я тебе помогать!

– Почему?

– Потому что браконьеров не уважаю. Да и сам Снегирев – то еще дерьмо.

Я растерянно покачал головой, но охотник расценил это по-своему.

– Да твою ж мать... Не браконьер я. Я вообще не понимаю, где нахожусь. Не помню ни хрена!

Повисла напряженная пауза. Все ясно – с дедом каши не сваришь! Я решительно повернулся, двинулся к своему плоту.

– Ну и куда ты собрался?

– Дальше поплыву.

– Не выйдет. Дальше пороги, на мель сядешь.

– А у меня других вариантов нет...

Немного подумав, тот произнес:

– Ладно, допустим, поверю тебе. Где медведя видел, помнишь?

Я остановился, окинул его взглядом.

– Плохо, но помню. Вверх по реке. Даже не знаю, часов десять плыть. Поляна там была большая, с деревьями.

– Ясно, – решительно произнес он. – Скорее всего, в «Чертовой лощине»... Значит, вот что, об этом нужно председателю сообщить. Если есть желание, можешь со мной идти. Заодно разберемся, что с тобой дальше делать...

* * *

Старика звали Матвей Иванович. Он представился мне лесником.

Точнее, должность-то у него была егерская, но жители здешнего поселка все равно звали его лесником.

Он сразу обозначил, чтобы я обращался к нему либо на имя-отчество, либо сразу на «ты». Объяснил тем, что стариком себя не считает. Про возраст я спрашивать не стал.

Сам он был какой-то угрюмый, все ворчал, что на дух не переносит браконьеров. Судя по всему, он меня с кем-то спутал. Ну в самом деле, не браконьер же я?

По его словам, в десяти часах пути к юго-востоку располагалось довольно крупное поселение на двести пятьдесят жителей. Бывший охотничий поселок. Именно туда мы и держали путь.

Плот пришлось бросить, по указанию старика я подтащил его к берегу и закидал ветками. Предварительно забрал с него флягу, ружье и мешок со шкурами.

– Как тебя звать-то? – поинтересовался старик, едва мы покинули берег.

– Не помню, – признался я, затем назвал имя из своей прошлой жизни. Кажется, я уже сам свыкся с мыслью, что действительно погиб и это мой второй шанс. – Женя, вроде.

– Ты что, вообще ничего не помнишь?

– Ну, последние несколько недель... Все как в тумане.

Тот фыркнул. Моя компания ему не особо нравилась, и он это открыто демонстрировал.

– А фамилия у тебя есть?

– Громов. Вроде бы, – выдержав паузу, я назвал ему свою прежнюю фамилию.

– Откуда, помнишь?

– Из Сочи.

– Как? Это где такое? – с нотками удивления спросил Матвей Иванович.

– В смысле, где? – в свою очередь, удивился я. – На юге России, черноморское побережье. Город-курорт. Олимпиада там была, чемпионат по футболу. Как можно об этом городе не знать?

Лесник обернулся и окинул меня странным, недоверчивым взглядом. Качнув головой, он цыкнул, но больше ничего не сказал. Мне его поведение не понравилось, но пришлось спустить все на тормозах. Выдержав паузу, я тоже поинтересовался, откуда тот родом.

– Местный я. Всю жизнь тут прожил, пока на войну не забрали.

– Какую еще войну? – особо не задумываясь, спросил я. – На спецоперацию, что ли?

Политическая обстановка в мире, из-за которой на спасение погребенных под завалами турок, в первую очередь отреагировала исключительно Россия, была вызвана специальной военной операцией, что проводилась на территории непризнанных республик Донбасса и Украины. Само собой, я подумал, что старик являлся ее участником. Вот уж не думал, что таких старых туда тоже берут. Разве что, как добровольцев, да и то в тыл.

– Не знаю, что там за спецоперация у тебя, – спокойно ответил тот, – а я с немцем воевал. С сорок третьего по сорок пятый год. Связистом. До Берлина почти дошел, да только в ногу меня дважды ранили. Осколком кость раздробило. Подлечили, конечно, но теперь одна нога чутка короче другой. Вот и хромаю уже какой год.

Я действительно обратил внимание, что тот всю дорогу прихрамывает на левую ногу. Однако его ответ меня поразил.

– Чего-о? Какой еще сорок третий? – без задней мысли усмехнулся я. – Великая Отечественная с фашистами была больше семидесяти лет назад... Уж прости, отец, но не выглядишь ты как столетний.

Матвей снова остановился и посмотрел на меня странным взглядом. Так обычно на дураков смотрят. Или на идиотов.

– Ты точно головой ударился! – фыркнув, выдал заключение Матвей, затем продолжил путь. – Одиннадцать лет назад, в мае сорок пятого года война закончилась!

А мне от этих слов стало как-то не по себе. И совсем не до смеха. Да что там... От осознания услышанного, сердце в груди бешено заколотилось.

Одного взгляда на лесника хватило, чтобы понять – тот совсем не шутит. Вот нисколько.

– Э-э... Матвей Иванович... а какой сейчас год? – осторожно поинтересовался я.

– Тысяча девятьсот пятьдесят шестой. От Рождества Христова, – не оборачиваясь, ответил лесник. Затем подумал и добавил: – Хватит чудить, а то по голове прикладом дам, память и вернется!

– Да ну на хрен! – вырвалось у меня. – Как пятьдесят шестой?

– Вот тебе и хрен. И не хрен.

Сказать, что я был ошеломлен, значит, ничего не сказать. Это получается, я не только в другом теле оказался, но еще и в прошлое перелетел? В середину двадцатого века, в послевоенный СССР? Когда Сталин уже отошел, а Хрущев занял его место? Твою-то мать!

Так вот почему на мне вещи старого образца, вот почему такое странное ружье. Неожиданно, прямо сейчас я вспомнил, как называлась модель доставшегося мне оружия... Точно, это же ИЖ-5! Оно выпускалось с конца девятнадцатого века, в разных модификациях. Черт возьми! И еще эти пятнадцатикопеечные монеты тридцать восьмого года выпуска... И спички Наркомовские... И консервы. Да твою-то налево! Ни хрена себе, слетал в Турцию... Это за что же мне такая кара прилетела, что я угодил в пятидесятые годы прошлого века?

Весь следующий час я целиком погрузился в себя. Просто монотонно перебирал ногами, двигаясь за лесником.

– Женька! Чего это ты притих там?

– Думаю, – насупившись, отозвался я.

– Смотри голову не сломай. Документы у тебя хоть какие-то есть? – вдруг поинтересовался Матвей Иванович. – Хотя, какие у вас браконьеров документы...

– Нет, – я покачал головой, машинально потрогав карманы. А сам подумал, почему у меня их нет? Как будто кто-то забрал...

– А вот это нехорошо. Ну да ладно. Здесь тебе документы вряд ли понадобятся. А потом что-нибудь придумаем. Председателю сельсовета тебя представлю, пусть сообщает куда надо.

Снег сыпать практически перестал, и мы пошли немного быстрее.

Вдалеке я вновь разглядел извивающуюся реку. Лесник уже не раз упомянул, что это практически тайга. Значит, я не ошибся... По крайней мере, какая-то европейская, юго-западная часть.

– Отец, а что за город здесь поблизости есть?

– Свердловск. Но до него далеко, около восьмидесяти километров к северо-востоку.

– Ясно... – протянул я, примерно прикидывая, куда меня занесло. Судя по всему, центральная Россия. Точнее, не Россия, а пока еще Советский Союз.

Снова вспомнил про медведя, от которого чудом ноги унес.

– Я когда на плоту ночевал, слышал рев медвежий и выстрел одиночный. Может, он еще на кого-то напал?

– Не знаю, не знаю, – задумчиво отозвался тот. – Скверную ты историю мне рассказал. Буквально вчера утром люди Снегирева-то, как раз из того района возвращались. Несколько потерялось, но подробностей не знаю. Про медведя тоже говорили.

– А сколько их было?

– Трое. Ну, ничего. Вернемся в поселок, я тебя к Ларисе Ивановне отведу, фельдшеру нашему. Уж она в этих делах больничных хорошо соображает. Образование у нее врачебное. К тому же, на окраине у Снегирева база имеется, там тебя свои признают.

– Чет не хочется мне к ним. Выходит, меня одного бросили.

– Тебе виднее.

– А долго еще идти?

– Часов восемь, не меньше, – ответил лесник, продолжая перебирать ногами.

Конечно, за время службы в армии я привык к изнурительным марш-броскам, учениям и полевым выходам, но брести по лесу восемь часов без отдыха... Это, конечно, выглядит сильно. И откуда в старике столько энергии и здоровья? Он ведь сюда тоже откуда-то шел и палатки при нем я не заметил.

Через какое-то время лесник поинтересовался:

– Почему у тебя бушлат разорван и пуговицы выдраны?

– Не знаю, – я ощупал бушлат. – Думал, медведь лапой ударил.

Матвей Иванович хрипло рассмеялся, чего я от него совсем не ожидал.

– Э нет, парень. Если бы тебя мишка лапой ударил, там бы ты и помер. Ты силу удара его представляешь? Это ж как молотом кузнечным по грудице садануть! Там и кости сломались бы, и сердце могло остановиться, и это еще несмотря на когти. Косолапый одним ударом оленя убить может. Сдается мне что, скорее всего, ты за сук зацепился и с дерева упал. Там и головой о камень треснулся. Вот это больше на истину похоже.

Может, так все и было. А может, и нет. Однако я не припомню, чтобы в момент пробуждения надо мной были какие-нибудь деревья...

Мы медленно, но верно продолжали идти вперед. Лесник иногда останавливался, осматривался по сторонам и корректировал направление нашего движения. Я разглядел у него в руках небольшой компас, видимо, по нему-то он и ориентировался. У меня присутствовало стойкое ощущение, что он ему и не нужен вовсе – тот способен найти дорогу и без него, опираясь лишь на внутреннее чутье.

Я несколько раз слышал о таких людях. Они половину тайги избороздили, некомфортно им с людьми, вот и ищут уединения с природой. А были и такие, что вообще в леса ушли жить. Достала их советская власть...

– Непонятно, что могло медведя из берлоги выгнать? – вполголоса рассуждал вслух лесник, когда мы остановились передохнуть на небольшой просеке. – Не думаю, что он из этих краев. Стало быть, пришлый. С севера, наверное. Еще летом пришел. Чего ж ему не спится-то? Тут причин немного. Наверняка разбудили его, вот он и ходит теперь. Шатун, окаянный.

Обычно медведи людей не трогают, издалека чуют и прячутся. Но если голод донимает, все возможно. Плохо дело, нужно решать, что со всем этим делать.

– А как решать?

– Облаву устраивать. – Матвей Иванович поднялся во весь рост и внимательно посмотрел на кромку леса, что мы прошли около получаса назад. – Не ровен час, он по твоему запаху за нами пойдет...

Глава 4

Соболевка

– Как за нами? – насторожился я. – Разве такое возможно?

– Все возможно, – неопределенно махнул рукой Матвей Иванович, продолжая смотреть куда-то вдаль. Затем убрал бинокль и обернулся ко мне. – Шучу я.

Вроде и пошутил, но тем не менее, я отметил некую озадаченность у него на лице.

– Ну что, отдохнул?

Не то чтобы я устал, но короткий перерыв в несколько минут – это вообще ни о чем. Идти по высокой сухой траве, густо присыпанной снегом, было очень неудобно. Зато лесник, несмотря на то, что заметно прихрамывал, шел свободно и, к моему удивлению, никуда не проваливался. А вот я постоянно отставал – темп держать не получалось, как бы ни старался. Тяжелые кирзовые сапоги то и дело попадали в скрытые ямы или цеплялись за сучья и корни. Из-за этого я спотыкался, шумел и ругался. Старик недовольно бурчал себе под нос – правда, поначалу он сдерживался, а потом все-таки остановился и недовольно проворчал:

– Ну чего так медленно?

– Да не могу я быстрее, – возмутился я, обливаясь потом. – Ноги цепляются, в траве путаются. То ямы, то корни. Да и кирзачи эти... Словно деревянные! То ли дело берцы!

– Да-а... – вздохнул тот, поправляя седые усы. – Ума не приложу, откуда ты такой здесь взялся? Как ты раньше по тайге ходил?

– А я и не ходил, – брякнул я, пожав плечами. – Не помню такого, говорю же. Зато до всего этого... Так-то я вовсе не профан, только в другой области.

– Хех... Это в какой же?

– Военная служба. Марш-броски, например. Экстремальные условия! Вот, к примеру, что ты будешь делать, если попадешь на необитаемый остров?

– Найду или построю укрытие, – без раздумий ответил тот. – Поищу источники пищи и воды. Сделаю запасы, попытаюсь понять, где я нахожусь. А при удачной возможности выдолблю из бревна лодку или построю плот, а затем уплыву. Только вот в тайге необитаемых островов нет.

– Ну да... А где бы ты воду взял? Как бы понял, что она непригодна для питья?

– Известно как. Дедовским способом. Плюнь в воду, если харчок расплылся в стороны и растворился, значит, и вода пригодная. Вскипяти и пей себе. И вообще, по животным понятно. Если они пьют, значит, и человеку можно.

– Сырую воду? Без обеззараживания? Да ты чего, обезвоживание, бактерии, дизентерия... Ну ладно, а пища?

– Охота, рыбалка. Ягоды, орехи, корешки, грибы. Что еще? Лягушки, змеи или насекомые. Если подумать и знать, куда смотреть, многое можно употреблять в пищу. Для поддержания жизни, человеку много не нужно.

– Ну а пламя как развести? – не сдавался я.

– Спичками.

– А если нет спичек?

– Огнем. Или трением двух кусочков дерева. Женька, уж поверь, я огонь и среди снега разведу. А вот ты к жизни в тайге точно не готов, несмотря на свои утверждения. Хотя тот факт, что ты от медведя смог удрать и ни во что не встрял, для меня загадка. Везучий ты, одним словом.

Лесник смотрел на меня с таким видом, будто уже знал ответ на каждый вопрос, который я намеревался ему задать. Мой настрой быстро остыл. Я хотел показать ему, что и сам не

безнадежен в вопросах выживания, а заодно проверить его собственные знания... В общем, заставить его врасплох у меня не вышло.

– Ты такой же опытный, как я балерина Большого театра, – фыркнул Матвей Иванович. – Но это нормально.

Не то, чтобы я обиделся, но все равно было неприятно. Вот же противный, а?

Вдруг он остановился, быстро вскарабкался на поваленное бревно и вооружившись биноклем, снова принялся изучать те места, что мы уже прошли.

– Странные дела творятся, – тихо пробурчал он себе под нос, затем убрал бинокль обратно.

– В чем дело?

– Ни в чем. Так, кое-какие наблюдения провожу, – отмахнулся старик. И все же он был чем-то озадачен.

Ближе к вечеру, по словам Матвея, мы прошли около десяти километров. В целом, окружающая картина практически не менялась – одни и те же заснеженные деревья, сухая трава и листья. Попадались буреломы, тут и там было много упавших деревьев, повсюду лежали полусгнившие бревна и сухие ветки.

Не скажу, что лес был сплошной – иногда мы пересекали просеки, небольшие открытые поляны. Дважды проходили мимо небольших речушек, больше смахивающих на широкие ручьи. У одного из них лесник остановился и набрал воды во фляжку.

– Ты бы тоже флягу наполнил, – посоветовал Матвей.

Воду я набрал, несмотря на некоторые опасения. Нет, воду из ручьев я, конечно, пил, но только после обеззараживания таблетками. Впрочем, старику-то виднее.

На протяжении всего пути к своему удивлению я несколько раз замечал на снегу следы зверей. Правда, следопыт из меня примерно такой же, как и упомянутая выше балерина, поэтому я не стал гадать, а поинтересовался напрямую:

– Это чей след? Заячий?

Матвей Иванович мельком взглянул в указанном направлении и покачал головой.

– Лисий, – он обернулся и ткнул пальцем в другую сторону. – А там волк проходил. Видишь, какой шаг? Если раньше, на предыдущей просеке, обращал внимание, то даже следы сохатого были. Редкий зверь, особенно сейчас. Что ж ты за браконьер такой, раз следы читать не умеешь?

– Может, я и не браконьер вовсе, – пробурчал я.

– Ну не знаю. Видел я тебя среди этого отребья. Не обижайся, Женька... Но тайга она особенная, тут как-нибудь нельзя. Нужно быть сильнее, хитрее и умнее. Выживает сильнейший. Знания нужны, но еще важнее уметь их на практике применять.

– Так я и умею.

– Потом покажешь! – кивнул лесник.

Через несколько минут я увидел еще следы, но уже покрупнее.

– А кроме волков тут хищники еще есть? Ну, рысь там или барс?

– Конечно, есть, а как же. В тайге – все есть. Правда, медведя я здесь давно уже не видел... Ушли они отсюда, а причин много.

Для меня все было в новинку, поэтому я жадно впитывал всю информацию, которой делился опытный охотник. А тот, несмотря на манеру общения, и рад был что-нибудь рассказать, главное – вопрос правильно задать. Видимо, старику льстило, что рядом есть уши, готовые слушать его речи. Только вот рассказывать-то, он рассказывал, но все как-то в общих чертах. Без подробностей.

Пока я слушал – понимал, что раз я попал в пятидесятые годы, то нужно как-то крутиться и выживать. Нужны знания, навыки. Нужна информация. Ведь каждый знает – осведомлен,

значит, вооружен! Чую, непросто мне будет, ой непросто. Из двадцать первого века, в глухомань пятидесятих годов двадцатого века...

– Ну что, Женька, держишься еще? – усмехнулся лесник, когда мы обошли довольно крутой холм у подножия и поднялись на следующий, пусть и пониже.

– Нормально, – проворчал я, перебирая уставшими ногами. Тяжелые и неповоротливые кирзовые сапоги быстро дали мне понять, насколько я не готов. И хотя, во времена срочной службы мне еще довелось их носить, эти ощущения были благополучно забыты.

Мышцы ныли так, что казалось, ступни вот-вот отвалятся. Пальцы свернулись в трубочку – я их даже не чувствовал толком. Но это все ерунда, ничего там не отвалится и не отмерзнет. Обычный человек моего возраста вполне способен идти до двадцати часов в день. Главное, что происходит в голове, и как себя настраиваешь на то, что предстоит сделать. Мозг управляет телом, а самоконтроль в этом плане – отличный союзник. И все же я упорно шел вперед, игнорируя усталость.

– А ты молодец, терпеливый, – похвалил Матвей на очередном небольшом привале. – Думал, жаловаться начнешь, ан нет... Держишься!

Если уж говорить честно, то я был сбит с толку. В прошлой жизни тело-то у меня было закаленное и тренированное, воля тоже. Я неоднократно был в изнурительных двадцатикиллометровых марш-бросках, бывало, не спал по трое суток и питался одними концентратами... Был в пустынных равнинах Монголии, в горах Урала и Адыгеи. А здесь не пойми что: сознание и память мои, а тело – нет. Неадаптированное оно, несмотря на то, что реципиент вроде как был охотником, пусть и браконьером. Мозги понимают, что путь невеликий, а тело устало, хоть волком вой. Но чего уж греха таить, я боялся показать слабость перед Матвеем и ударить лицом в грязь – опять фыркать будет. Не привык я жаловаться. Мне даже казалось, что он только и ждет, когда я упаду на снег и попрошу отдыха.

Вообще, старик был хоть и вредный, но постепенно я понял, что все это показуха. На самом деле он был относительно добрый и отзывчивый, хоть и черствый, как ржаной сухарь. Видать, нечасто старик с людьми время проводил.

– Диву даюсь, я Женька! – Матвей Иванович посмотрел на меня как-то иначе. – Смотрю на тебя и думаю – знаний ноль, опыта тоже. Нетерпеливый, но настойчивый. Самоуверенный, а неподготовленный. Еще и стремления с избытком. Как же ты из своего Сочи сюда-то попал?

Я ничего не ответил. Лишь вздохнул и плечами пожал.

Ну не говорить же ему, что я гость из будущего, в самом-то деле? Еще подумает, что я головой тронулся, возьмет, да и бросит здесь. Врачей я не боялся – психушек в тайге не было тогда.

Однако зря я опасался – старик задавал вопросы просто так, для поддержания беседы. Вряд ли его действительно интересовало, как я сюда попал... Хотя, по его лицу и не скажешь, что, правда, а что нет.

– Гляди-ка... – снова вооружившись биноклем, произнес он. – Вон там, впереди, слева. Реку видишь? Узнаешь места?

Я повертел головой и заметил, что с этого места открывается довольно неплохой вид. Впереди, за деревьями, примерно в километре была видна извивающаяся речушка, куда меньше той, по которой я перемещался на плоту.

– Вижу, но не узнаю. А это что за река?

– Я ее Прорвой зову. Как раз пойдем вдоль нее. В этом районе много рек, да и озер хватает, – пояснил старик. – Богата область на это дело. Потерпи, еще несколько километров и доберемся до Соболевки. Дом у меня там стоит. Вообще, мной не одно зимовье по этому району построено, но сейчас нам туда не нужно.

Вдруг мой желудок предательски заурчал.

– Да ты, я смотрю, голодный? – произнес он.

– Ну да. Очень. – не выдержав, согласился я. – Со вчерашнего дня ни крошки во рту. На плоту ничего съестного не было, а единственную найденную банку консервов при появлении медведя я бросил. Удалось лишь рыбу поймать, да на костре запечь.

– Чего ж сразу не сказал? – прищурившись, проворчал тот. Легко скинул с широких плеч вещевой мешок, развязал и вытащил оттуда сверток белой ветоши, в которую было завернуто два куска вяленого мяса и несколько сухарей. – Держи. Негусто, зато самое то, чтобы голод заглушить. Для начала хватит, а там и до поселения доберемся. Там и горячая еда есть, а если поднапрячься, то и банька будет.

– Спасибо. Отлично. А то еще немного и у меня желудок от голода к позвоночнику бы прилип. Долго еще идти?

– Дотемна дойдем. Но это если не тащиться, как черепаха.

Последнее было камнем в мой огород, но я не стал на этом заикливаться.

Я прямо на ходу с жадностью вгрызся зубами в вяленое мясо. Что бы это ни было, но оно оказалось на редкость вкусным, хотя слегка жестковатым и пересоленным. Сухари были самыми обыкновенными, из ржаной муки, но тоже весьма неплохими на вкус.

Минут за десять я все это умял, сразу понял, что самочувствие стало лучше. Благодарный желудок перестал урчать и стал вести себя куда тише. Я взял флягу и хотел было запить, но лесник меня остановил.

– Что там у тебя? – спросил он. – Вода?

– Ну да.

– Повесь обратно. На вот, попробуй это, – он снял с пояса свою флягу и протянул мне. – Вряд ли ты такое в своем Сочи пробовал.

Я, кстати, обратил внимание, что у него на поясе, на широком ремне висело сразу две фляги. Видать, только одна из них предназначена для воды.

Откупорив алюминиевую крышку, я сначала понюхал. Ощущался сладковатый цветочный запах, но вместе с тем, немного на квас смахивало. Однако, когда я попробовал, то обалдел.

– Отец, да это ж медовуха! – удивленно воскликнул я, опознав напиток. – Причем шикарная!

Медовуха действительно была отменная, на травах. Чувствовалось, что старик туда еще чего-то намешал, но это было только во благо.

– Гляди-ка, угадал, – довольно крикнул Матвей Иванович. – Она самая. Где это ты медовуху пробовал?

– На Кавказе тоже в лавках купить можно!

– Купить? Где, в горах, что ли? – тот почесал седую бороду. – Что ты мне сказки рассказываешь? Кто ж ее продавать будет?

– Там продают, – авторитетно заявил я. – А медовуха превосходная.

– При ежедневном употреблении в небольших количествах, здоровье поправляет. Ну все, хватит на первый раз. Много такого напитка пить нельзя, а то желудок встанет.

Я сделал еще глоток и передал флягу обратно.

Мы продолжали путь. Близился закат.

В какой-то момент я сам не заметил, как лес вдруг расступился и перед нами развернулся поселок. Сначала мы миновали старую, потемневшую от времени деревянную ограду, состоящую из тонких бревен. Никакой защитной функции она не несла, лишь отделяла лес от поселка. Ну и чтобы скот не разбежался, правда, такового я здесь не увидел. Какой же скот зимой?

Рядом пролежала прокатанная машинами грунтовая дорога. Как раз в этот момент, из-за поворота показался темно-зеленый грузовик, какие я много раз видел в советских фильмах.

– Ох ты ж... – пробормотал я, во все глаза глядя на ЗИС-5, самый массовый грузовик времен ВОВ и послевоенного периода. – Так это правда?!

И выглядел он не как восстановленный, а будто бы недавно сошел с конвейера. На крыше и тентованном кузове лежал снег.

– Что ты там бормочешь? – обернулся ко мне егерь.

– Да нет, ничего. Все нормально.

Грузовик, урча двигателем, проехал от нас всего в двадцати метрах, но я разглядел, что весь кузов внутри был заставлен деревянными ящиками, а с краю стояли какие-то белые мешки.

– О! Муку привезли. Молоко, яйца, – заметил Матвей Иванович. Затем окликнул меня. – Ну, чего ты там встал? Идем уже!

Двинувшись дальше, мы миновали небольшое заброшенное строение из бревен, чем-то похожее на смотровую башню. Ранее оно использовалось для каких-то нужд, а сейчас пустовало.

– Вот и добрались, – произнес лесник, едва мы поравнялись с первыми домами. – Помнишь поселок?

– Нет. Вообще ничего. Сочи помню, а как в эти края попал – нет.

– Ну... Тогда добро пожаловать в Соболевку. Гляди, вон то здание справа – телеграф наш.

Я с нескрываемым интересом принялся разглядывать, как жили люди в пятидесятых годах двадцатого века. Как будто бы перенесся в кино, да только здесь все было по-настоящему. И то, если подумать, ведь не лучшее место для наблюдений – это ведь тайга, считай, самая глушь. За острыми впечатлениями жизни послевоенного СССР нужно ехать в крупные города. Вот только туда меня не тянуло совершенно. Чего мне в городе делать, да еще и без документов? Чтобы первый же милиционер меня в отделение загреб? Ну уж нет, больше проблем себе наживу, да и честно говоря, не хотелось мне в городскую суету. Склонялся к тишине и спокойствию.

И откуда у меня такие мысли?

Поселок оказался не очень большим, всего на четыре улицы. Со всех сторон его окружал густой лес.

Я насчитал порядка сорока пяти домов. Сразу же заметил, что здесь не было линий электропередач. Раз так, то и электричества в населенном тоже пункте нет. Откровенно говоря, к такому я не был готов.

Справа и слева стояли жилые дома, в основном собранные из бревен. Имелись и глиняные мазанки. Многие строения были уже потемневшими от времени, но все равно выглядели добротно. Также попадались и практически новые дома, построенные недавно. Возможно, даже этим летом.

В поселке имелась небольшая часовня, медпункт, пекарня и даже почта. На окраине располагалась лесопилка, рядом с которой были заметны штабеля длинных бревен, покрытых снегом. Поселок был аккуратным, чистым. Со всех сторон его обступала тайга, а на северо-запад уходила прокатанная дорога.

В целом он выглядел именно так, какими их показывали в старых советских фильмах про Великую Отечественную войну. А за десять с лишним лет несильно-то оно все и поменялось. Тем более здесь, вдали от цивилизации – здесь все застыло по состоянию довоенного периода.

Тут и там попадались люди, занимающиеся повседневными делами. На нас они не обращали никакого внимания. Лишь парочка окликнула Лесника, но этим все и ограничилось.

Быстро темнело.

Мы неторопливо шли по заметенной снегом улице. Я заметил несколько больших, двухэтажных зданий. На одном из них увидел приколоченную табличку.

– Это что, школа? – вслух пробормотал я. Насколько я помнил, в то время было обязательное семилетнее обучение, а в крупных городах и столице – десятилетнее.

– Она самая, – тяжело вздохнул Матвей, махнув рукой. – Второй год уже не работает. Летом не успели ремонт провести, да и с учителями проблема. Учеников тоже, раз-два и обчёлся. А последняя учительница еще весной уехала, в Челябинск.

– А как же дети? – удивился я. – Как же им без знаний?

– Сдалась им эта школа? – вздохнул старик. – И немного их тут осталось. Кто постарше, на охоту ходит. Совсем мелкие дома сидят или на рыбалке. Летом ягоды собирают и сушат, пробуют что-то выращивать. Ну а самые нетерпеливые в город подались, нечего им делать тут. Времена нынче тяжелые. Гляди, вон там наш сельсовет находится. Но к председателю сегодня уже не пойдем, лучше завтра с утра заглянем. Скорее всего, Тимофей Александрович уже об отбое думает и вряд ли будет рад услышать о медведе.

Я задумчиво кивнул.

– Так, Женька... – Матвей Иванович вдруг остановился. – Время позднее уже, что касается ночлега... К своим, я так понял, тебе идти глупо? Неизвестно, что из этого выйдет, раз память у тебя отшибло. Гостиниц с удобствами, как в Москве, здесь нет и не было никогда. Так что пока можешь у меня остаться. Все равно места свободного много. Тепло, сухо, а что еще охотнику нужно?

– Да что-то неудобно как-то... Не хочу стеснять.

– Неудобно на зайца с рогаткой ходить! – отозвался старик. – Нормально, поместимся!

Я поблагодарил его за приглашение.

Мы двинулись вперед. Довольно быстро прошли к центру поселка, где я заметил довольно большую избу со слегка покосившейся крышей. Окна были прикрыты грубыми ставнями, у крыльца лежали штабеля заготовленных на зиму дров. А на крыше приколочено что-то похожее на стрелу.

– Ух ты, вот это изба! – восхитился я. – Таких в Сочи нет.

– Еще бы. Как раз пришли! – пояснил Матвей. – Это и есть мое жилье.

Забора тут практически не было. Так, кривая калитка и небольшие кучки, сложенные из камня. Особенно меня удивило, что и замка на входной двери тоже не имелось. Только мощный засов – заходи и бери, что понравится. Странно как-то.

– А сколько ты отсутствовал, отец? – поинтересовался я.

– Да почитай, пять дней меня не было. А что?

– И что, дом стоял пустой, никем не охраняемый? Кто угодно мог войти и...

– А чего там брать-то? – удивился лесник. – Денег у меня нет, да и не нужны они в поселке. Тут и магазинов нет. Самое ценное здесь – это продукты, так они в погребе. Погреб надежно заперт, снаружи в него входа нет. Да и не принято у соседей воровать. Если у кого-то нужда возникнет, можно просто попросить. Здесь это все понимают. Ну, чего встал, заходи!

По истории я помнил, что в это время страна еще толком не оправилась от войны. С провизией было плохо, а уж в тайге, в отдаленном охотничьем поселке – тем более. И хотя во многих сферах был совершен прорыв, что касалось провизии, все равно оставалось проблемой. Ведь здесь не было выделанных полей, пшеница толком не росла. Помидоры-овощи тут выращивать сложно. Свинарников и коровников здесь тоже не было. Жили только за счет охоты, рыбной ловли, ну и что в лесу попадет. Грибы-ягоды, мед. Конечно, из городов периодически завозились продукты, вроде муки, овощей и консервов. Кажется, мне еще предстоит во все это окунуться с головой и осознать, каково это – жить в глуши.

И раз нет электричества, значит, и душа нет. Как нет и нормального туалета...

Ну и ничего. Я жаловаться не привык.

Конечно, с моим прошлым спасателя это никак не вяжется, но, быть может, мне и здесь найдется работа по специальности? Уж я-то адаптируюсь, дайте только время.

Внутри избы было темно. И весьма холодно. Матвей Иванович тут же зажег масляную лампу, потом вторую. Стало куда светлее.

– Ну вот! – пояснил лесник. – Сейчас печку растопим, пару часиков, и будет тепло. Печь у меня большая, прогревается быстро. Да брось ты свой мешок, никто твои шкуры не украдет. Проходи, чего встал?

Едва я вошел внутрь и закрыл дверь, сразу почувствовал резкий запах каких-то трав. В носу защекотало.

– Ты не знахарь, случайно, Матвей Иванович? – усмехнувшись, поинтересовался я.

– Нет, – ответил тот, подготавливая печь к растопке. – Но травы лечебные собираю. А ты почему спрашиваешь?

– Да просто интересно. Запах почувствовал, вот и спросил. А что потом с травами делать?

– Чаи заваривать. Настойки делать.

Тот опять посмотрел на меня с подозрением.

– Вот не пойму я, браконьер ты Снегиревский – видел тебя там. А с другой стороны – ну не похож ты на них. Да-а, вот же дела какие случаются... А как давно ты в тайге?

– Ой, не знаю, Матвей Иванович, не знаю... – вздохнул я.

Дом у лесника был довольно просторный, но состоял всего из двух комнат и короткого коридора. Обстановка чисто спартанская – стол у стены, на нем скатерть. Шкаф. Ну, еще лавка в углу. И все, больше ничего лишнего. Из освещения только масляные лампы. Ну, еще несколько свечей. Тут и там висели шкуры, имелись приколотенные к стене олени рога. В углу икона. Еще увидел чучело тетерева и волчью голову.

Кухни, как таковой, не было – имелась лишь большая печь, сложенная из камня и обмазанная глиной, огромный дубовый стол и пара кривых табуреток. Вдоль стены я заметил две больших лавки. Если сдвинуть их вместе, а сверху кинуть матрас, то получится кровать.

На многочисленных деревянных полках стояла берестяная посуда, У входа большая глиняная тарелка, доверху заполненная кедровыми орехами. Столько орехов я еще никогда не видел... Под потолком висели горизонтальные шесты для сушки одежды. Рядом свисали связки сухих грибов и чеснока. Какие-то травы. В углу большая деревянная бочка с водой, там же алюминиевая кружка на подоконнике. В стороне лежала пара мешков с какими-то крупами. У входа заготовленные дрова, аккуратно сложенные аж до самого потолка. Еще ящик какой-то.

– Дровишек принеси, сейчас жару наведем.

Пока я таскал дрова, лесник шустро растопил печь – уже через сорок минут в доме стало немного теплее. Однако спать при такой температуре я бы все равно не стал.

Беглого осмотра хватило, чтобы понять – живет Матвей Иванович один. Женской руки тут не чувствовалось, причем давно, а возможно, и никогда. Спрашивать насчет семьи не стал. Нетактично это. Если захочет, сам о себе расскажет.

– Ну вот, тулуп-то снимай, – он потер ладони друг о друга. – Уже не замерзнешь. Дровишек еще в печь подкинь!

Никогда не топил печь, но справился я на удивление быстро и правильно. По комнате пополз легкий, едва ощутимый запах дыма.

Едва я снял теплую одежду, как вновь почувствовал отголоски боли в груди. Черт, в чем же дело? Неужели я и впрямь откуда-то упал?

Громко зевнув, я сел на стул, облокотился о стену спиной, прикрыл глаза и вдруг, понял, насколько я устал. Тело буквально ломило от боли и усталости. Сам того не ожидая, я мгновенно вырубился, причем основательно.

Сколько я так спал – не знаю. Однако вскоре почувствовал, что меня решительно тормошат за плечо.

– Эй, Женька! Подъем!

С трудом разлепив глаза, я увидел бородатое лицо лесника.

– Что, разморило? – усмехнувшись, спросил тот. – Ну да ничего, это нормально. Организм свое возьмет, если нужно будет. Непривычный ты, хоть это и странно. Как же тебя Снегирев в группу-то взял? Ладно, ладно... Давай-ка, ужинать!

Оказалось, что пока я спал, лесник уже состряпал ужин. Вот же энергии у старика – на четверых хватит. Ему уже под шестьдесят, если не больше, а он неутомимый. Иванович наварил картошки, нарезал ароматного сала. В тарелке лежали маринованные грибы и зеленые помидоры – последние меня удивили. А вот хлеба не было, только сухари и те ржаные. Ну, понятно, пекарня своя в поселке хоть и была, но либо не справлялась с объемами, либо временно не работала, потому, что муки не было. Наверное, иногда хлеб завозили откуда-то из города. Видимо, не чаще раза в неделю, наверное, потому сухари и пользовались популярностью.

А рядом стояла литровая бутылка, с прозрачной, чуть розоватой жидкостью.

– Это что такое? Вино?

– Вино? Ну ты дал, Женька! Какое же вино в тайге? Винограда тут отродясь не было. Это настойка, на травах и ягодах. Такую только в Соболевке готовят, у целительницы нашей. Потом познакомлю, как время будет. Ну чего встал, бери стул.

От глиняного горшка с картошкой шел ароматный пар, отчего у меня желудок довольно заурчал, а в носу аж защекотало от предвкушения. Матвей Иванович тут же вооружился бутылкой – наполнил содержимым алюминиевую кружку, однако себе наливать не стал.

– погоди картоху в рот совать! – заявил он. – Давай-ка, сначала выпей! Тебе полезно будет!

Настойка действительно оказалась шикарной. Она была весьма приятной на вкус, мягко согревала горло, а после сохраняла восхитительное ягодное послевкусие. И что удивительно, в голову тоже давала мягко. Натуральный домашний продукт – такого в современном супермаркете точно не купишь.

То ли я так изголодался, то ли действительно давно не пробовал сваренную картошку с салом, но лопал так, что аж за ушами трещало. Лесник только довольно ухмылялся, а сам ел мало.

Когда я насытился, поинтересовался.

– Матвей Иванович, меня вот все вопрос один беспокоит. Если я не вспомню, кто я такой, что со мной будет? Я ж ведь даже не знаю, есть ли у меня семья или нет. Не знаю, как к Снегиреву попал и как браконьером стал. Почему я вообще оказался на той поляне. Как люди отнесутся к моему появлению?

– Ну... Думал я уже над твоим вопросом. Не просто все, ой не просто, – произнес тот, нарезая сало на дощечке. – Эта твоя амнезия странная очень. В общем, я так считаю... Чтобы людей пока в заблуждение не вводить и не пугать, скажу, что ты племянник мой. Люди Снегирева на контакт ни с кем не шли, жили в бараке обособленно. Так что вопросов к тебе быть не должно. Скажу, что ты из Сочи к нам приехал, природу посмотреть, на зверя поохотиться. Быт посмотреть. Что там ваше море?! А что касается документов, то они тут и не нужны вовсе, все равно проверять никто не будет. Правда, в город тебе выехать тоже не получится. Ну, об этом потом. Вот сходим к председателю сельсовета, все и обсудим. Но к самому Снегиреву заглянуть тебе надо, для убедительности. А то путаница получится...

С ужином покончили быстро. Я наелся до отвала.

– Ой, спасибо тебе, Матвей Иванович, за еду и за то, что к людям вывел и приютил, – искренне поблагодарил я. – Даже не знаю, что было бы, если бы я на том плоту мимо проплыл...

– Там дальше по течению пороги были, плот либо застрял бы, либо разбился. Не благодари, – тихо ответил он, а спустя несколько секунд, подумав, добавил: – Хоть и терпеть я вашего брата не могу, но тебе поверил. Знаешь, почему я тебе помочь решил? Потому что

когда-то, точно так же помогли и мне. В двадцатых годах. Я тогда молодой совсем был... Эх, сколько лет уже утекло. Ну все, хватит болтать, время уже позднее. Спать пора.

К этому времени изба уже порядочно прогрелась и внутри можно было спокойно ходить в одной рубахе и кальсонах.

Кровать у лесника была только одна. Вторую собрали из дубовых лавок, на которых постелили домотканый матрас, набитый, пухом, листьями и соломой. Внутри подушки – куриные перья. Я на такой лет двадцать не спал уже. Про удобство, конечно, молчу. Все казалось мне необычным, особенным. А жаловаться я не любил – так должно быть. Все люди в тайге тогда так жили.

А еще я убедился, что водопровода здесь тоже нет. Как и канализации.

И если с туалетом тут все понятно, то как быть с душем – я пока не решил. Как вариант, греть воду в печи и поливаться ковшом. Не бог весть что, но для соблюдения гигиены пойдет и так.

Ничего, это только первое время будет сложно, а дальше пойдет по накатанной.

Часа два я ворочался, никак не мог заснуть. Вроде и устал, а сон все не шел. Что-то беспокоило меня – списал на новое место для ночлега. Это не на мягком ортопедическом матрасе спать, да и подушка вовсе не анатомическая. Впрочем, мне не привыкать – в командировках приходилось спать и в спальных мешках, и на матах спортивных, и скорчившись в позе эмбриона на сиденье «Урала».

А глубокой ночью мне приспичило по нужде. И тут встал вопрос – а куда? Керамических унитазов в избушках охотников не было, зато были нужники – проще говоря, выгребные ямы, расположенные во дворах. Старик объяснял, куда идти, да только я все прослушал.

В общем, поняв, что терпеть – это не выход, поднялся я с кровати, накинул на плечи свой бушлат, сунул босые ноги в сапоги и направился к выходу. Отодвинул засов, приоткрыл дверь, выбрался наружу.

В лицо сразу же ударил свежий морозный воздух. Судя по ощущениям, было около минус пяти-семи градусов. Впрочем, я привык к влажному сочинскому климату, поэтому вполне мог и ошибаться.

Небо было чистое, усеянное звездами. Поразился тому, насколько много звезд. В городе такого неба не увидишь. Отыскал взглядом нужник – тот действительно стоял в десяти метрах справа, за домом и хорошо различался на фоне белого снега.

Пока шел, слушал, как поскрипывает снег под ногами.

Закончив свои дела, я двинулся обратно. Уже подходя к двери, вдруг услышал далекий крик, который тут же оборвался...

Глава 5

Скрытая угроза

Сон как рукой сняло.

Я взволнованно осмотрелся, попытался понять, откуда кричали. Однако услышал только собачий лай, который быстро сменили тишина и легкий шум ветра. Я даже вышел за калитку, но больше ничего подозрительного не произошло. Вокруг темнота, луна была скрыта тучами. Вокруг – ни души! Ну еще бы, ночь – все жители мирно спят.

Постояв еще пару минут на морозе, я все-таки вернулся в дом, запер дверь на засов. Сначала хотел разбудить лесника, но передумал. Чего зря человека тревожить? Утром и расскажу.

Поворочавшись немного – заснул.

А когда снова открыл глаза, понял, что уже рассвело. Приподнялся, осмотрелся, и сразу же насторожился – из соседней комнаты раздавался шорох, невнятная возня и какое-то поскрипывание. Я осторожно сполз со своей лавки, потянулся к ружью и с досадой вспомнил, что оно так и осталось висеть незаряженным.

Еще у меня имелся нож, но тот лежал где-то среди одежды и искать его сейчас, значит, выдать себя шумом.

Первая мысль – кто-то посторонний забрался в дом, возможно, даже зверь. Решил проверить, что происходит за стеной. Но едва я сделал пару шагов, как подо мной предательски скрипнула половица.

Повисла гробовая тишина. Кажется, я даже услышал стук собственного сердца.

– Ну? И чего ты там крадешься? – вдруг раздался голос лесника из комнаты.

Тьфу, ешкин кот!

Выпрямившись, я неуверенно шагнул вперед и, выглянув за угол, увидел Матвея Ивановича. Тот, склонившись, набирал из мешка какую-то крупу, пересыпая ее в большой глиняный горшок.

– Ты чего придумал? – прищурился он.

– Да ничего. Проснулся, услышал шорох. Подумал, кто-то влез в дом, – слегка усмехнувшись, признался я. – Вдруг медведь?

Лесник хрипло рассмеялся.

– Если бы в дом вломился медведь, ты бы проснулся гораздо раньше. Но таких случаев один на сотню. Ладно, раз уж ты поднялся, то давай одевайся и дуй за водой. Будем кулеш варить.

– Хорошее дело. Готовить я умею, – брякнул я, не подумав, как это делается без привычных удобств двадцать первого века.

Одевшись и намотав на ноги портянки, я решительно натянул сапоги. Поискал глазами ведро, хотел уже выйти наружу, но вдруг вспомнил про ночной инцидент.

Вновь подошел к леснику.

– Заблудился? – сухо поинтересовался тот.

– Да нет, тут другое. Иванович, в общем, ночью мне по нужде приспичило. Нужник нашел, а на обратном пути услышал крик чей-то. Где-то с окраины поселка, со стороны леса, откуда мы пришли. Ну я и подумал, вдруг что случилось? Мало ли...

– Не почудилось? – лениво спросил лесник, посмотрев на меня насмешливым взглядом.

И вдруг в этот самый момент в дверь настойчиво постучали.

– Матвей Иванович, Матвей Иванович! Беда! – снаружи раздался женский голос.

Старик тут же рванул к двери, толкнул ее наружу. На входе стояла женщина в какой-то несуразной шубейке, а поверх был накинут меховой платок. На голове другой платок. Вид у нее был взволнованный, глаза перепуганные.

– Что случилось, Мария? – с ходу спросил лесник, приглашая ее войти.

– Беда! – прямо с порога охнула женщина. – На дом Кудасовых ночью напали. Кажись, медведь!

От услышанного у меня дыхание перехватило. Медведь?

– Так, ясно... – сдержанно выдохнул Матвей, затем обратился ко мне: – Ты давай-ка кулешом займись, а я пойду узнаю, что там произошло. Справишься?

– Да не вопрос, все сделаю, – отозвался я, затем спросил: – Иванович, а может, я лучше с тобой схожу?

– Нет, это лишнее, – он натянул на плечи тулуп, схватил ружье и шапку. Напоследок крикнул. – Я быстро.

Ну а мне не оставалось ничего другого, как начинать кашеварить.

Честно говоря, обычную кашу, что рисовую, что овсяную, я варил много раз, но то на индукционной печи в квартире. Когда все под рукой. В полевых условиях и командировках мы пользовались пакетами с уже готовой кашей или сублимированной пищей. Сухими пайками или консервами. А тут...

Естественно, сливочного масла у лесника не было. Откуда бы ему здесь взяться, ведь домашнего скота, вроде коров, в тайге нет. Крупа оказалась перловой, причем она существенно отличалась от той, какую я привык видеть. Какая-то мелкая, желтоватого цвета и с грубой шелухой. Насколько я помнил, кулеш варился из пшенной крупы... Ну ничего, можно и из перловки попробовать. Репчатый лук я нашел без проблем, сало тоже.

От шелухи я избавился простым промыванием, потратив на это дело почти полведра воды. Отыскал соль, ссыпал промытую крупу в горшок, залил водой и в печь.

Сковороду тоже нашел, но она мало походила на традиционную сковородку. Впрочем, какая разница? Главное, что я смог обжарить на ней лук и сало, после чего ссыпал поджарку в горшок, перемешал и принялся ждать.

Конечно, действовал я как дилетант – блюдо для меня было практически незнакомым. Даже спорить не буду, сколько пунктов приготовления кулеша я нарушил. Естественно, он у меня слегка подгорел, что было вполне ожидаемо. Навыков пользования такой печью у меня не было совершенно, отсюда и выдающийся результат.

Лесник вернулся примерно через час. Вид у него был взволнованный.

– Ну что там? – поинтересовался я. – Все нормально?

– Не сказал бы. Ночью, на дом охотника Ивана Кудасова, что стоит на окраине поселка, напали. В темноте было плохо видно, но тринадцатилетний сын охотника утверждает, что это был огромный медведь. К счастью, никто не пострадал, дети и женщина отделались лишь испугом – вовремя успели запереться в соседней комнате, а спустя несколько минут зверь сам ушел. Правда, собаку по пути задрал.

Матвей Иванович посмотрел на меня выразительным взглядом, отчего мне сразу все стало понятно.

– Тот самый? – похолодев, спросил я. – Он что, за нами все это время шел?

– Похоже на то, – задумчиво произнес он, теребя пальцами кончик бороды. – По следам. Пока мы через лес пробирались, я пару раз его видел вдалеке, да только уверенности не было, что это медведь. Думал, лось. Не нравится мне медведь этот, поведение нетипичное для шатуна.

– А что не так?

– Много чего. Ну, хотя бы то, что он за нами столько шел, хотя мелкой живности в лесу хватает. Зачем он в дом вломился? Медведи обычно человека за несколько верст чуют и обхо-

дят, а людские поселки тем более. Конечно, шатун дурной на всю голову, ничего не боится и прет как танк. И все же, что-то с ним не так.

Я не знал, что на это ответить. Я вообще про медведей мало что знаю, несмотря на влияние остаточного подсознания реципиента. Без сомнений, тот принадлежал к числу охотников, пусть и браконьеров, имел некоторые навыки и опыт. Вот только мне они передались не в полной мере, лишь выборочно.

Иванович вдруг принялся, подошел к печи. Открыл заслонку и ухватом вытащил оттуда горшок с кулешом.

Заглянул внутрь, крякнул и посмотрел на меня.

– Это что?

– Кулеш, – неуверенно произнес я, затем торопливо добавил: – Наверное.

Молча взяв ложку, Матвей Иванович набрал немного прямо из горшка и сунул в рот. Подержал немного, затем проглотил.

– Это не кулеш, – авторитетно заявил он. – Вообще не кулеш. Но есть можно!

Я облегченно выдохнул. Первый блин, как известно, комом.

– Женька, возникшую проблему нужно как-то решать. – раздеваясь, произнес он. – Охотников в поселке почти нет, все на промысле, к Снегиреву по этому вопросу обращаться бессмысленно. Хоть рядом стоянка браконьеров, им и дела нет до того, что в поселке происходит. Жители Соболевки их потому и не жалуют. А медведь по доброй воле не уйдет. Так и будет бродить вокруг да около и нападать.

– И что делать? – спросил я. – Может, в ловушку его заманить? Я слышал про «волчьи ямы». Выкапывается яма на тропе, внутрь помещаются колья. Сверху маскируется тонким слоем дерна или жердями с сухой травой. Зверь падает, колья его протыкают.

– Да знаю я про ямы... Нет, она тут не поможет. Во-первых, земля уже достаточно промерзла. Во-вторых, где ты ее копать собрался? Троп тут полно. Косолапый откуда угодно забрести может. Что, сто ям выкопать? Куда вероятнее, что кто-то из жителей попадется. Нет, так медведя не остановить.

– А капканы?

– Тоже нет. Для начала нужно хорошо осмотреть следы и понять, куда он ушел. Скорее всего, уже организовал себе лежку где-то в окрестностях. Нужно его найти, а затем облаву с собаками устроить. Жаль только, что и собак в поселке почти не осталось.

– Ну а если вооружить всех охотников, вытянуться цепью и...

– И ни хрена это не даст. – заявил егерь. – Медведь вас за версту услышит и уйдет. А потом выберет подходящий момент и вновь нападет. Женька, лучше молчи. Не пытайся разобратся в том, чего не понимаешь! Вот что, сначала поедим, а потом наведемся к председателю сельсовета.

Наспех позавтракав моим кулинарным творением, мы выпили чаю на травах и одевшись, вышли из дому. Погода была неплохой, кое-где просматривалось солнце, температура ощущалась на небольшой минус. По причине того, что у меня не было шапки, старик подарил мне новую меховушку, выделанную из зайца.

Первым делом мы собирались к председателю здешнего сельсовета. Еще подходя к Соболевке, я думал, что здесь главенствует некая охотничья артель, но еще раз убедился, что поселок уже лет десять как перестал быть охотничьим. В основном здесь остались семьи охотников-промысловиков, старики и дети.

Здание сельсовета находилось в центре поселка, окруженное жилыми домами. Вообще, я очень плохо себе представлял, как была организована администрация поселка в послевоенные годы Советского Союза. Поэтому, можно сказать, что я шел в неизвестность.

– Он ведь в курсе того, что ночью произошло?

– Наверняка ему сообщили еще быстрее, чем мне, – кивнул старик. – Вообще, за последние годы население поселка стало значительно меньше. А в двадцатые годы женщин и детей здесь не было, одни охотники и топографы. Кстати, часовня эта тут еще с тысяча девятьсот пятого года стоит. А недавно большая часть охотников ушла на запад. Там зверя больше, но места глухие. Восточнее озер много, но сейчас там делать нечего, утка только весной будет. Мужиков в поселке раз-два и обчелся, поэтому, скорее всего, проблему с медведем мне решать придется.

– Почему тебе?

– Потому что должность у меня такая. Егерь я здешний, главным охотоведом области назначен. Только в поселке меня лесником кличут, давно уже это прозвище прилипло. Мои обязанности – следить за зверьми, осмотры территорий делать. За охотхозяйством в этом районе следить. А когда появляется проблема, вот как сейчас, мне нужно ее решать. Охотовед такими вопросами заниматься не станет... Если и придумает что, так недели три пройдет. Думаю, этой ночью медведь снова в поселок нагрянет. Как бы еще кто не пострадал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.